

БЛЕСНУВ
НА СОЛНЦЕ

ВЯЧЕСЛАВ
СМИРНОВ

16+

Вячеслав Иванович Смирнов

Блеснув на солнце

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48517882

SelfPub; 2020

Аннотация

Приметные случаи жизни позвали описать то влюбленность в студентку, то странный смех в диссертационном зале, то руководство аспирантками разных наук, то надежды и потери в финансовых "пирамидах", то допросы милиции, ОБХСС и муниципальной полиции, то десант на аэродром нефтезоны Самотлора, то продвижение художника с портретами дипломатов в МИД, то счастье в звуках дамской гитары, то ароматы сирени, акаций или любви, то воспоминания детства, отца и поиск его без вести погибшего, то студенчество и целина, то истории на берегах Черного моря. В общем, о блеснувшей на солнце уходящей в глубокую тень жизни.

Содержание

Ида	5
Дамская гитара	34
Пансионат “Весна”	54
Пирамидальные кипарисы	81
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Что значит жизнь? Из тьмы и в тьму Промчался мотылек,
мгновенье

Блеснув на солнце! ... Человек
Сам по себе что значит в мире?
Кому он нужен? Кончен век,
И за прибор его на пире
Другой садится... Аполлон Майков.

Ида

В предновогодние дни, да и потом, до рождества, дни кажутся какими-то необыкновенными – в душе я-то маленький, то большой, взрослый. Мысли обращаются непременно к елочке, к огням и свечкам на ней, к деду морозу. Загорится ли гирлянда, сделанная в прошлом веке на оборонном заводе в нагрузку к гаубицам и танкам? Ведь ей сорок лет. Сомнения разрушаются – всегда загорается, но убывают числом светящиеся лампочки, осталось пятнадцать из двадцати, как и убывающему остатку моих лет. Некоторые мигают, гаснут, но оживают, чуть живы, словно старцы хромают. Елочка наряжена, горят огоньки гирлянды и несколько свечек. Зажигая гирлянду и каждое утро, войдя в гостиную, а вечером и свечи, как до Нового года, так и после – до Рождества. Признаться, трепещет душа детским ожиданием чего-то, хочет светлого праздника, и потому каждое утро я включаю гирлянду, и горит она во все утро в темной гостиной под иконой. И на душе хорошо. Приближается Рождество, а с ним приходят мысли – что-то должно произойти, может быть даже необычайное, волшебное. Подумал, если загадать, то и сбудется, или что приснится, и тоже сбудется.

Весь вечер на елке горят огоньки лампочек, зажег и несколько свечек. Чуть колеблются кисточки пламени, замерла елочка, охраняемая дедом морозом. Он прислонил-

ся к комлю, румяными щеками он видится молодецки здоровым, хотя и седеет бородой, в красной шубе под поясом. Близится полночь. Выключил телевизор и гирлянду, задул свечи и воздал молитву перед иконой Праздники из тринадцати сюжетов, один из которых Рождество христово. Икону я нашел на чердаке, в доме бабушки Натальи Михайловны, в милой деревеньке Черновка под Угличем. Бабушка подарила ее с добрым напутствием: – Пусть хранит тебя господь, внучек. – потушил свечу и подумал о праведнике в рассказе Бунина, умершим в ночной молитве перед иконой на коленях, да таким закостеневшим и найденным игуменом утром. Представил себя в конце отведенного срока таким же, и спросил себя: – Праведно ли этот год провел? Пожалуй, правда, с потрясениями, и спокойно отошел ко сну.

Проснулся. В комнате темно, прислушался – ни одного звука с улицы, обычного свидетеля наступающего утра. Неужели еще очень рано, хорошо бы, чтобы уже была хотя бы половина шестого, тогда бы и выспался. Люблю утро, не люблю долгий сон. Уловив звуки с улицы, обрадовался – близится или уже пришло утро, и снова закрыл глаза. Вдруг открывается дверь в спальню, и в свете из прихожей возникает Ида, но не какая-нибудь святая, а земная и знакомая. Остановилась и смотрит на меня, раздумывая, сплю я или проснулся. Увидев мои открытые глаза, улыбнулась приветливо и слегка поклонилась.

— Доброе утро, милый. Решила тебя навестить, ведь дав-

но не была. Как жил без меня эти годы?

Ответ не прозвучал, но молнией промчались картины событий прошедших лет, задерживаясь на некоторых. Ясно увидел тот тоже зимний вечер с той же Идой, такой же красивой и молодой, какой она вошла теперь, знакомство с нею, поездку к Черному морю, попытки семейной жизни.

Началом знакомства было мое появление в ее студенческой группе в качестве куратора – старшего, помощника в учебе и словно бы воспитателя в этой группе, состоявшей в основном из девушек. В этой должности я уже побывал раньше. Тогда разность в возрасте между мною и студентами составляла года три. Появление мое в той группе вызвало их удивление, а у меня – смущение. –Молодой, ровня, будет нас воспитывать, –говорили глаза и улыбки на лицах студентов, и еще красноречивее – глаза некоторых студенток, которые выдавали интерес к почти равному себе по возрасту юноше, правда, с видом некоторого превосходства, как и положено девушкам, которые мнят себя взрослее и опытнее юноши-одногодка. В процессе беседы с группой чувствовалось некое соревнование за первенство – подчиним его себе или нет? Мне казалось, что я испытание выдержал.

В другой раз, по завершении занятий предстоял час политпросвещения, и я снова пришел в группу, чтоб поговорить о событиях в стране. Разыскав аудиторию на втором этаже филфака ЛГУ, с удивлением обнаружил: –Как так совпало! Ведь в лет семнадцать тому назад, будучи м.н.с. ла-

боратории радиоактивных изотопов и износостойкости зубчатых передач РПИ, я в ней я бывал каждую неделю на занятиях по немецкому языку, готовясь к сдаче кандидатского минимума. Заметной персоной среди нас, молодых учеников, был солидный преподаватель начертательной геометрии Николай Николаевич. Коренастый, круглый, седой, лет так под шестьдесят. Он тоже хотел получить ученую степень. Меня поразило: –Как можно в старости думать о том же, что и я – молодой, о диссертации. Еще большее удивление вызвал его уровень знания немецкого. Ведь все остальные имели хотя бы школьную и институтскую подготовку. А Николай Николаевич имел только военный опыт общения с немецкими пленными. Он не мог даже свободно читать. Читал по складам, как первоклассник. Преподавательница терпеливо ему помогала. Что-нибудь произнести, повторяя за преподавательницей на немецком, было для него проблемой трудно преодолимой, а нам, признаться, на радость, и мы наслаждались этим моментом. Он запинаясь, коверкал слова, пыхтел, мычал, облизывал губы, но он не тушевался, держался бодро, весело, оптимистично. И действительно, продвигался в освоении немецкого. Правда, по завершении курса, преподавательница рекомендовала Николаю Николаевичу не спешить со сдачей кандидатского экзамена, а повременить, и прийти еще раз к ней в следующем учебном году, т.е. оставляла его на второй год. При расставании Николай Николаевич по кураторски напутствовал меня:

—Учи немецкий, сдавай минимум и защищай диссертацию! Деньги будут, и б... будут!— В первой части он ошибался не сильно, а вторая часть могла сыграть далеко не теперь – ведь заря разврата капитализма в нашей стране еще даже не алела, и появление подобных новых профессий в стране было за далекими десятилетиями. А в нашей стране секса и разврата не было. Возможно, Николай Николаевич был провидцем или имел опыт жизни при НЭПе? Лет через двадцать страна изменилась.

Вошел в знакомую аудиторию, встал за преподавательским столом, поздоровался, предложил вставшей для приветствия группе сесть, и осмотрел всех с улыбкой. Мой взгляд после путешествия по аудитории остановился на первом ряду. Я увидел, что прямо передо мной одна из девушек сидит на коленях у другой, обнимает ее, прижались щека к щеке и обе смотрят на меня с любопытством, и как бы с вопросом. Я замешкался с мыслью: –Как реагировать, и нужно ли реагировать? Чувствую, что группа с интересом ждет моей реакции, а обе передо мной – тем более. – И тогда девушка, держащая подругу на коленях, произнесла:

—Товарищ куратор, посмотрите – какая она развратная, ее нужно воспитывать. – Куратор с серьезным видом ответил:

—Да, конечно, для этого я и назначен куратором в вашу группу, и начал рассказывать о решениях последнего съезда КПСС, потом о событиях в стране и за рубежом, стараясь не

обращать внимания на парочку передо мной, незаметно косил взглядом на нее. Та, которая развратная, вижу, ерзает на коленях, потом сползает и садится рядом, видимо разочарованная моим равнодушием к их акту.

И снова я куратор, но уже повзрослевший. С интересом знакомлюсь с группой, называя по журналу фамилии, и мельком поглядывая на встающих студентов. Иду нашел довольно красивой. Потом, увидев ее резво идущей по коридору этажа, восхитился ее всей невысокой и ладной фигурой, в походке увидел горячность. Оказалось, что она отставала в учебе в немецком. Сессия приближалась, а зачета не было. По праву куратора настоятельно просил ее не откладывать и рассчитаться с долгом в этом семестре, предложил свою помощь, о которой она отказалась, – а жаль! – Потом, когда она долго отсутствовала в институте, звонил ей домой, застал ее мужа, видел ее в положении перед уходом в академический отпуск. Несколько лет не вспоминал о ней, правда, знал, что институт она окончила и теперь работает.

Мой давнишний знакомый Валерий – кандидат наук, с некоторыми странностями в поведении и манерах, позволявших предполагать о сбое в психике, выхлопотал себе полагающуюся по советскому закону остепененному научному работнику дополнительную комнату и соответственно получил новую квартиру. Предстоял переезд из одной комнаты в общей квартире в центре города в отдельную двухкомнатную. Валерий попросил меня помочь с погрузкой мебели. Чита-

тель может любопытствовать:

—Что же за странности у моего знакомого, на которые я намекнул?

А были это навязчивая боязнь микробов, боязнь заразиться. Боязнь не прикрытая, а откровенная и выставленная на обозрение. Вот к нему-то я и ехал, смиренно готовый снова и снова видеть его причуды. В квартире можно было увидеть, что все стаканы и кружки, накрыты марлей. Двери он открывает нажимом локтя на ручку, не берясь за нее ладонью, перед порогами в квартире старательно вытирает ноги, многократно шаркая туфли, жмет вам руку через носовой платок, периодически сплевывает микроорганизмы, возможно попавшие в его легкие при вдохе. Но что поделать, оставалось терпеть – ведь он просил помочь. При всех странностях Валерий считался лучшим математиком в институте Академии. Сотрудники страдали от его странностей и в институте, но терпели и они, и руководители. Никто не мог так глубоко и грамотно дать анализ с математическими и прочностными расчетами публикаций, присылаемых в институт на рецензию, как он со своими странностями. Началом общения с ним могло быть что угодно, но очень скоро говорил лишь он, и говорил только о своих математических расчетах. Выбить его из этой колеи уже было невозможно – как конь, закусил удила, и понес – не остановишь. Попытки отвлечь новой темой были сродни воздействию на гороскоп – он быстро прекращал возмущение и возвращался в свою математическую

колею. Улыбаясь в предвкушении увидеть все описанное наяву, ехал к нему автобусом. На одной из остановок увидел входящую Иду. Мы почти бросились навстречу друг к другу, обрадованные встрече.

—Прости, я еще не обсохла после бассейна,—сказала она, дотронувшись до влажных темных волос.

Мне предстояло выходить, и мы, торопясь, условились встретиться в субботу, первого апреля, в пять часов в центре города.

В субботу, с растянутыми и дававшими о себе знать болью мышцами после переноски мебели с пятого этажа и загрузки в новую квартиру, я стоял на месте встречи, встречая с надеждой, и провожая огорченным автобусы – ее все нет и нет. Эти встречи и проводы длились почти час, и я вернулся домой в недоумении. – Почему же не приехала? – Как вдруг раздался телефонный звонок – Ида.

—Слава, почему ты не пришел? Я долго ждала, а тебя все нет, и потом уехала.

—Как не пришел? Я был и ждал тебя почти час.

—А во сколько ты пришел?

—В пять.

—Да? А учел, что время сменилось на летнее?

—Ах, – нет, значит, я пришел по-зимнему, а ты по – летнему времени. Какое несчастье! Когда, наконец, государство отметит эти перемены!

Случайная встреча нас свела и сблизила, и однажды я

услышал от нее с обидой сказанное:

—Что же, ты, когда был куратором, я видела, как ты смотрел на меня! Каким восхищенным взглядом меня встречал и провожал при встречах в коридоре нашего этажа! Но почему же не подошел? Я этого очень ждала.

Ее воспоминание удивило и взбудоражило меня, и я решил:

—Впредь, если встречу девушку, на которую захочется смотреть, как смотрел на Иду, непременно скажу ей – за что, и что глаз не мог отвести от нее. Не буду замкнутым, не стану хранить в себе впечатление, пусть даже ответом будет холодное молчанье, но не утаю. – Ида, и вправду, была необычайно хороша, и малы шансы другой вызвать во мне тот взгляд, который прожигал ее, и она чувствовала его даже спиной и на расстоянии. Как много было в его немоте!

В последующие смены времени наши часы всегда совпадали, и мы безошибочно сходились в нужном месте на все выходные дни. Ида приезжала ко мне с маленькой дочкой, отпускала ее гулять, и мы были свободны для жаркой любви. Девочка иногда заглядывая домой, заставляла нас на диване, мама с нею разговаривала, решая ее вопросы, и разрешала гулять дальше, но не уходить далеко от дома. Мы снова были отданы друг другу. Было это каким-то захватывающим изнеможением, почти истязанием. В один из понедельников я ощутил головокружение, близкое к обмороку, и сказал себе:

—Пощади себя, ну и что, что прекрасна, что любима, что

вкусна! Жить – или жизнь? И выбрал жизнь осторожную, не до изнеможения, без желтых звездочек в глазах.

Звоню Иде вечером. Мама отвечает, что ее нет дома. Звоню позднее – еще не пришла. Звоню уже во внеурочный час – все нет. Зашевелилось подозрение, появились обидные и ранящие мысли. На завтра позвонила сама.

—Ты вчера звонил, я уходила. Сосед сверху поздравил меня с днем рождения букетом роз, и я зашла к нему, немного задержалась. – Бешеная злоба захватила меня, хотелось кричать, рвать и метать. Но сдержался, и на ее спокойное – Встретимся завтра, – смиренно ответил, – хорошо.

После этого случая я потерял покой. Особенно страдал вечерами. Ревность мучила, жгла, жалила сердце. Пусть она честна, хорошо, но я не мог себя успокоить, и наконец попросил Иду звонить мне каждый вечер и желать мне спокойной ночи. Такое лекарство я прописал себе. Без него я не мыслил ложиться и спать, и не смог бы спать, не позвони Ида. Благодарен ей, она поняла, как я страдаю, и прилежно исполняла мою просьбу.

В день первого мая мы сидели на изогнутой длинной скамье над каналом, перед поляной, усеянной распустившимися веселыми беленькими маргаритками. Солнце уже хорошо грело, серебрило воду, в которой гонялись друг за другом и брызгались утки. Перед нами в пыльной лунке дорожки купались, попискивая от удовольствия, два воробья, слетевшие от таких же радостных товарищей с куста. Веселые

люди проходили перед нами, густым потоком шли по горбтому мостику через канал, возвращаясь с набережной после демонстрации. Все были веселы, разговаривали, смеялись, группка пела песню. Некоторые несли портреты вождей и лозунги, флаги, держа древки то подмышкой, то на плече. Лица некоторых вождей преклонного возраста смотрели в землю перед тем, как оказаться на каком-нибудь темном и сыром складе после проветривания на ясном первомайском дне. Мужчина – гармонист в окружении, как и он подвыпивших демонстрантов, играл вальс «Амурские волны». Вокруг праздник, счастье и веселье. А я сидел возле Иды, мучимый ревностью, и истязал себя и ее упреками, и подозрениями. Она обнимала меня, гладила руки, успокаивала, уверяя меня в подозрениях. Я, как снег под лучами весеннего солнца, медленно оттаивал, отходил. Становилось легче, боль ревности спадала, но никак не проходила совсем, и так и никогда не прошла насовсем, и далеко потом, после этого дня. Любовь и ревность – зачем они соседствуют? Или одно чувство не может существовать без другого. Как говорится, ревнует – значит любит. Кто-то из нашего брата ищет лекарство от ревнивой любви в вине, кто-то в компании друзей, кто-то кончает жизнь. А не лучше ли найти противоядие в другой? Но – нет, пока любовь в острой форме, другой не заразиться, сначала нужно выздороветь. Еще больше я стал успокаиваться, когда почувствовал, что и в Иду входит ответная моей любовь.

Пришло время зимней сессии. Очень большая, рекордная по кафедре, да, пожалуй, и по факультету, учебная нагрузка, дарованная мне зав. кафедрой Галиной Козак, привела в зимней сессии к длиннющему графику экзаменов со многими группами. И тут в субботу Ида упростила пойти с нею в бассейн, из которого она однажды выплыла очаровательной русалкой, и впорхнула в мой автобус. После мороза большим наслаждением было оказаться в теплой воде бассейна. И зима, и морозы, и зимняя сессия оказались за бортом бассейна. Я люблюсь и восхищаюсь профессиональным кролем и стайерской выносливостью Иды. Плывая наперегонки, позорно отстаю от нее. А как хороша она на тумбе перед прыжком вводу! Все бог дал телу, да и лицо одарил красотой. Скрытая сила изящного тела вызывает обожание его обладательницы. Обожатель по горло в воде под тумбой любит Идой, завидует дару природы, тогда как свое тело пришлось создавать самому тренировками с двадцати лет, и по сей бассейн день, штангой и гантелями. Подныривать под девушку, хватать за ноги, обнимать и топить ее, брызгаться, фыркать, кувыркаться – весь набор бассейновых радостей был получен, и я вернулся домой умиротворенным.

Звучит звонок, незнакомый голос спрашивает:

—Простите за беспокойство, наша группа вас ждала два часа, но теперь все разошлись. Почему-то вы не пришли на экзамен?

—Как, разве сегодня?

—Да, по расписанию так. — Начинаю соображать — какое принять решение, как выйти из создавшейся не лучшей ситуации? Спрашиваю, — можно ли будет собрать группу через два часа? — Попробую, отвечает староста группы. — Хорошо, собирайте, я еду. — В назначенный час я смущенный предстал перед улыбающейся группой. Для них неявка преподавателя была событием неординарным, с которым они встретились, как оказалось, впервые. Впервые, неожиданно, но воспользовались этим немедленно, и по их намекам я понял, что они хотят снисхождения при оценке ответов, поскольку преподаватель серьезно провинился. Расслабленность после бассейна еще не прошла, и принимать экзамен у большой группы до девяти вечера не очень хотелось, и я тогда предложил:

—Согласные на три балла могут дать зачетки, а претендующие на более высокий балл сдают экзамен в обычном порядке.

Примерно половина группы положила зачетки на стол, в которые я и проставил «удовлетворительно», остальные сдавали по всем правилам. Таким образом, Ида спасла нескольких студентов от трудного экзамена.

Приближался очередной праздник 1 Мая. Во всей великой стране партия возвала к бдительности в организациях, ведь враг не дремлет и в праздничные дни. Ожидались провокации заброшенных в Латвию иностранных шпионов и диверсии всех вражеских капиталистических государств.

И самое вероятное, что могло произойти – это коллаборационисты, враги советского строя, могли наброситься на освободившиеся на праздники от секретарш – машинисток печатные машинки, и начать печатать, печатать и печатать под многие кофирки враждебные воззвания к свержению строя, а потом с верхних этажей, чердаков и колоколен соборов, например, Петровского или Домского развеять их по ветру для жадного к самиздату народу. Поэтому служащую министерства легкой промышленности рекрутировали на неуспынное суточное дежурство в министерстве. Иде предстояло дежурить сутки в ее пустующем министерстве. Местом дежурства был кабинет министра со знаменем. Ида подготовилась к дежурству основательно, что касается провизии. Истомила в духовке курицу, насадив ее на бутылку и обмазав толстым слоем майонеза, методом, унаследованном из местечка под Ровно ее бабушки, испекла пирожное «Наполеон», приготовила овощной салат с первыми пахучими огурцами. Меня же пригласила как защитника и в помощь скоротать вечернее время. И вот я, миновав прихожую секретарши, впервые в кабинете министра. Вошел в большой кабинет с портретами Маркса, Энгельса, Ленина и Брежнева. Посреди комнаты стол на десятки человек, окруженный креслами, а в красном углу два знамени – Союзное и Латвийское. На столе свободно разместилось все изобилие закусок и вино, а потом, под занавес вечера, под звуки праздничной музыки из радиоприемника, на этом столе хватило места, чтобы принять и нас

с Идой под взирающими молчаливо, думаю одобрительно, портретами партийных вождей.

Признаться, я примерял себя к семейной жизни с Идой, и она жила у меня. Что-то в этом было необычное для меня, и не проходило чувство некой неловкости, неудобства и стеснения холостяцкого простора. Наверно укоренившаяся привычка быть в лучшей компании самому с собою не могла исчезнуть сразу. Возможно, следовало набраться терпения и ждать, ждать, но как долго? Ида делала домашние дела, но они воспринимались мною как излишняя хлопотливость. Мне не нужны частые борьба с пылью, пятнами, паучьими тенетами, но долгое приготовления непривычной пищи – перенести было нелегко. Роскошные длинные волосы Иды, оказывается, требовали больших хлопот, связанных с их просушкой свистящим феном, наклонами, мотанием головой и ими. Я чувствовал себя просто усталым от этих хлопот. Мужественно терпел, надеясь привыкнуть.

Ида утром выезжала на службу, а я в институт – то раньше ее, то позднее, и иногда вместе. Тогда в автобусе замечал видного мужчину, который поглядывал на Иду с большим вниманием. Я относился к этому с пониманием – сам бы смотрел на нее во все глаза, не будь она моей. Вернувшись в один из вечеров домой, Ида показала мне записку с номером телефона без имени. Кто-то в автобусе положил в карман ее пальто.

—Кто бы это мог быть? – задумалась Ида. Я посмотрел на

номер и понял, что это наш, институтский, и связал мужчину, засматривавшегося на Иду в автобусе, с проректором по хозяйственной части нашего института. Встречая его в моем районе и в институте, оценивал его как потенциального конкурента, но сбрасывал со счета за проявленную плутоватость с залезанием в карман моей любимой Иды, и презирал за это. Представил себе, как он протирается сквозь плотно набитый утренний автобус к Иде, шарит тихонечко, боясь прикосновения к ней, оттягивает карман и боязливо всовывает записку, с нервной дрожью от мысли быть схваченным за руку, отвернув голову в другую сторону с безразличным видом. Не могла моя девушка обратить внимание на такого ухажера.

* * *

Студенческие годы, молодость, сводила в знакомства неизвестно почему, вдруг, совершенно беспричинно то с одним, то с другим человеком – наверно из-за еще оставшейся детской непосредственности и бесхитростности, открытости душ миру и всем. Так в мою жизнь вошел и Влад Шумилов, мало похожий на рижан, как русских, так и латышей. Он выглядел настоящим грузином, как потом оказалось, не только по виду он был им, но и по крови отца, да и появился он в Риге из Батуми. Интонации его говора указывали на его появление с Кавказа. Привез он и любовь к застольям, дол-

гим и витиеватым тостам Грузии чудесной, ресторанам. Однажды мы с Владом оказались в ресторане «Рига». Играл оркестр, пела очаровательная солистка Нона, похоже, что она была казашкой или узбечкой, а может и кавказской народности. Влад был знаком с нею, и познакомил меня. В конце вечера, когда она сошла со сцены, я протанцевал с нею, и пригласил продолжить вечер у меня. Нона согласилась, и так это и произошло. Я уговорил ее не ехать домой, а остаться у меня. Ночь прошла в милом и ласковом противостоянии женщины мужчине. Близилось утро, и только тогда Нона со словами: – У меня больное сердце, я устала и боюсь, что если продолжим в том же духе, придется вызывать скорую. Лучше я отдамся. – Я с благодарностью принял ее жертву и после долгого утреннего сна, счастливого просыпания и завтрака Нона, напевая, покидала меня.

Как не помню появления Влада в моей жизни, таким же и незаметным было его исчезновение из Риги. О том, что его нет в городе, я узнал из открытки, присланной из Батуми. В ней он писал о своем бракосочетании и приглашал на свадьбу. Начало моей скромной инженерной жизни требовало оценить затраты на желанное присутствие на свадьбе Влада в Батуми. А оно поглотило бы мою инженерную месячную зарплату чуть не всю. Зная понаслышке о широких жестах грузин, подумал, что настоящим приглашением на свадьбу было бы и приложение оплаты дороги, и потому послал Владу только поздравительное письмо. Осталось желание хотя

бы побывать в Батуми.

Миллионы народов страны и Ида мечтали о теплом Черном море. В один из вечеров Ида затронула, походя, тему о Черном море, а я вспомнил и рассказал, что в Батуми живет мой друг Влад. И тут Ида со свойственным ее темпераменту напором грудью атаковала меня с требованием узнать в турбюро о путевке в Батуми и созвониться с Владом, чтобы хоть кто-нибудь был там из знакомых. Путевка на двоих нашлась и на две недели с перелетом стоила 323 руб., заняв теперь уже только часть моей зарплаты. Созвонился с Владом, и он обещал встретить нас в аэропорте. Начались большие хлопоты Иды о платьях, купальниках, туфлях – ведь девушка впервые вылетала к Черному морю, и хотела предстать пред ним во всей красе. Наконец, все хлопоты приготовления закончились и после долгого полета мы вышли из ИЛ–18 в Батуми.

Встретил нас Влад, обросший черной бородой, в черных брюках, в черных остроносых кожаных туфлях, в черной рубашке с длинными рукавами – обычная, закрывающая от солнца одежда южан, но ни в коем случае не белая. Как всегда сдержанно немногословен, с насупленными бровями над глубоко сидящими глазами, красив, говорит с грузинским акцентом, все время курит. Автобусом доехали до гостиницы «Батуми». Пока мы заполняли бланки, Влад вел разговор с администратором на грузинском. Администратор – пожилая грузинка при этом посматривала на нас каким-то прони-

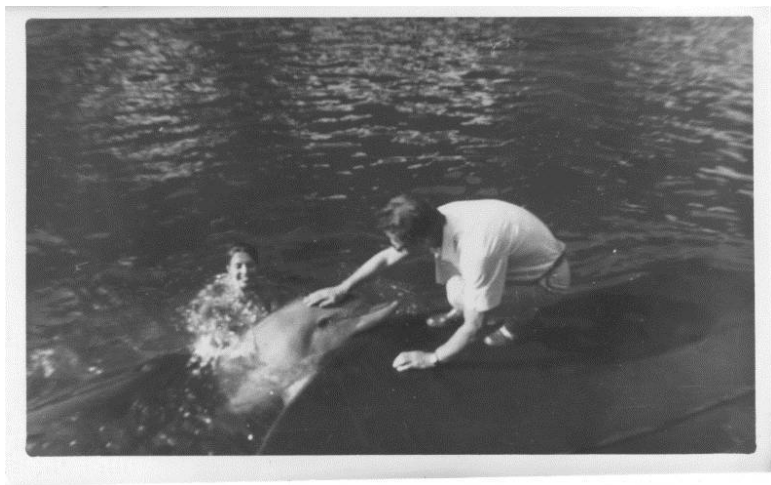
зывающим, недружелюбным взглядом, подозревала нас, видимо, в том, что и было на самом деле. Но она против этого и не смирится: –Грузинские девушки необыкновенны, и так не делают и этого не знают, и этой из Риги она не позволит. –Разошлись каждый по своим номерам, чтобы вечером, со всеми предосторожностями, Ида перебралась в мой номер.

По утрам я оставлял Иду спящей, тихо собирался, одевая спортивные майку и трусы, шиповки с вывернутыми шипами и выходил к морю. Бежал по асфальтовой дорожке вдоль моря – по обеим сторонам пальмы, потом мелкий, низкий сосновый лесок, кустарники, а слева море. Бегал около получаса, проделывал упражнения, и наконец, главное, и удовольствие, без бегового напряжения, напряженного дыхания и покрытого потом лба от утренней начинавшейся жары – окунался и неторопливо плавал в теплой воде штилевого моря. После завтрака уходили к морю вместе и лениво лежали пару часов до наступления жары, по несколько раз заходя в воду. Ида же делала долгие заплывы к горизонту, оставляя меня на мелководье. К полдню вставали и шли к павильону в виде распластанного осьминога, поднявшего тело на щупальцах над бетонным полом. Спина и щупальца осьминога были покрыты синей глазурью с каменными блюдцами наростов присосков на щупальцах. Жара захватывала нас, словно щупальцами осьминога, и заталкивала в его спасительную тень с мороженым и кофе. Всякий раз, заказав кофе, я с ин-

тересом следил, как буфетчик – армянин, прижав к полному животу ручную мельницу, молот кофе. Из мельницы в виде гильзы снаряда пятидесятого калибра высыпался кофе, молотый до состояния пудры. Кофе варил в джезве, доводя до кипения несколько раз в разогретом на электроплитке песке. Буфетчик это делал с большим удовольствием и старанием, словно варил сталь для обороны страны. Кофе получался очень густым и крепким. Мы сидели в тени долго, поедая медленно мороженое, смакуя кофе, добавляя в него каждый свой собственно батумский привкус от созерцания поблескивающего моря, манящей синевы желанной охлаждающей воды. За осьминогом жара несносная, скорее в номер. Далее обед и послеобеденная дрема.

Однажды Влад пригласил нас в дельфинарий с океанариумом. В нем ходили стеклянными коридорами, а за стенами вода, рыбы и морские котики. В бассейне дельфинария три дельфина показывают акробатические номера. Влад был знаком с дрессировщиком, и после завершения выступления перед зрителями, когда все разошлись, мы остались, и он разрешил Иде поплавать с дельфинами, что она начала с опаской, а потом с азартом и проделала. Плавала с ними наперегонки, плавала, держась за плавник дельфина – он ее буксировал на большой скорости. Счастливее Иды от полученного необыкновенного удовольствия общения с дельфинами в Батуми было не найти, да и на всю жизнь она осталась выделенной общением с дельфином. В не меньшей мере был

счастливы и я, коснувшись этого чуда морей.

Знакомство с одним из акробатов Батумского дельфинария

Ощущение гладкости кожи дельфина повторилось, когда я нечаянно дотронулся до совершенно голой лысой головы моего знакомого Эдуарда, и мелькнула мысль о общности живого в мире.

После обеденного сна Ида начинала подготовку к вечернему выходу в город. Мыла волосы, сушила их. На это уходили киловатты электроэнергии фена, труднопереносимый шум сильного ветра на протяжении получаса или более в мо-

ем маленьком номере. Первый раз я терпел, второй день подряд – тоже, но на третий ушел на период процедуры. В дальнейшем процедура внесла раздражение, не хотелось наблюдать процесс достижения красоты, хотелось созерцать результат, к чему привык в моей свободной жизни.

Как было не побывать в настоящем грузинском ресторане в самой Грузии после суррогатных, вроде рижского или московского «Кавказов». В один день после пяти часов Влад пришел в гостиницу, забрал нас и мы пошли в рекомендованный им ресторан. Здание в два этажа, ресторан на втором. В зале сидят одни мужчины солидного возраста. Ида оказалась единственной женщиной и привлекла внимание. Официант одет просто, без черкески с газырями, без сапог. Ели какие-то грузинские кушанья, пили белое вино, сидя у окна. Начался дождь и скоро перешел в ливень, а потом начался настоящий потоп. За нашим окном ливень словно занавес повесил.

В дельфинарии г. Батуми. Слава, Ида, Влад

В зале потемнело, включили освещение. Сквозь занавес ливня увидели на улице с уклоном поток воды, по которому изредка проходили машины с фарами, погруженными в воду. Свет от фар казался белыми прямыми щупальцами, которые ищут дорогу в воде. Наши голоса глохли в шуме ливня. В зале посвежело, не помешал бы и джемпер. Обед мы закончили, но сидели и обреченно ждали конца ливня. – Такой ливень здесь недолог, – сказал Влад. – Скоро появится солнце. – Шорох воды затихал, светлело, выключили электричество. Ливень иссяк, и мы вышли на улицу. Стоим у порога, но идти нельзя – поток воды течет, иссякая постепенно. Тротуар освободился от воды, и мы пошли, удивляясь теплоту воздуха. Идем по маленькой улочке, и вдруг перед нами мечеть. Посмотрев на нее, на ворота, на двор за ними, вход и показалось, что я попал в древность. Все было таким непохожим на сегодня, на весь Батуми, порт, базар, дома, машины. Веяло спокойствием и отрешенностью от мира. Посовещались – зайдем? Решили зайти и тихо, почти робко вошли в приход мечети. Увидели полки для обуви. Прошли в самую мечеть. Навстречу вышел мулла. Поздоровались. Он приветливо, спокойно и смиренно ответил, приложив руку ко лбу и сердцу, с поклоном. Предложил осмотреть мечеть, молча рукой преградив дорогу Иде. Весь интерьер в дереве, на по-

толке звезды, окна в восточном стиле, весь пол застлан цветным, заметно старым ковром. И тут мое любопытство подтолкнуло меня попросить муллу показать Коран. Думал, это удивит его, и он откажет. Но нет. Он сходил за ним, принес и протянул мне. С некоторым волнением взял его руки. Обложка выглядела потертой, выглаженной шероховатыми ладонями многих и многих читавших, листавших. Возможно, многих мулл за многие десятилетия. От Корана веяло вечностью, и, держа его в руках и листая, видя арабскую вязь, я чувствовал некоторый страх и ужас, связывая эту книгу с древним Востоком, его народами, набегами на православных и войнами за гроб господень рыцарей с сарацинами. Попрошались с муллой за руку, надели туфли, и смиренно удалились, оборачиваясь на мечеть. Рука инстинктивно поднималась осенить себя крестом, но остановил себя с мыслью не обидеть бы Пророка Мухаммеда.

На прощание Влад принес в гостиницу подарок – саженец лимонного дерева высотой около одного метра, завернутый в бумагу и напутствовал инструкцией по посадке и уходу:

—Он и у вас будет жить, цвести и родить лимоны, если будет посажен в глину с добавками, летом стоять на балконе, зимой в комнате, иногда поить водичкой.

В Риге я обследовал окрестные почвы, ходил в далекие походы по лесам и полям, выезжал на взморье в поисках глины. Но мне не везло – куда бы ни врезался лопаткой, нигде не было глины. Тогда по о своей неудаче рассказал на лек-

ции группе моих студентов–вечерников, и один из них отозвался, сказал, что знает в районе Болдерая место с глинистой почвой, и обещал накопать. Привез мне тридцатилитровый бочонок, наполненный глиной, и я посадил черенки, добавив по инструкции Влада песок и чернозем. Летом лимон жил на балконе, а к осени стал засыхать. Пришли дожди и свежесть, лимон умирал, чернея листьями, и пришлось с огорчением расстаться с ним, словно похоронить еще живого. При этом припомнился Влад. Казалось, что и на расстоянии он почувствует гибель его лимона, и дрогнет в душе, не понимая отчего.

Отношения с Идой продолжались, и я все более ясно, правда, и с сожалением понимал, что способен только на дружбу, и она видимо это чувствовала во мне, и надежда идти рука об руку всю жизнь улетучивалась. Возможно, и в себе она стала разбираться, и потому встречи стали менее яркими, пришла привычность и даже необязательность встреч. По несколько дней, а иногда и неделю мы не только не встречались, но и не звонили друг другу, и я считал себя уже свободным. В один из зимних вечеров, находясь в почти разорванных отношениях с Идой, чтобы не коротать вечер старого Нового года одному с елочкой и дедом морозом, я пригласил в гости мою прошлую подругу Лилию. Она с радостью откликнулась на приглашение и пришла ко мне. С нею горящие свечки на елочке, музыка и вино наполнили теплом комнату уютом и теплом, когда дом окружал двадцатиградусный

мороз. Сквозь мелодию пластинки прорвался звонок. Я подошел к двери и спросил – Кто? – Ида, –открой, – прозвучало в ответ. –Не могу, занят, – Все равно, открой, – не открою,– ответил решительно— и ушел от двери. Но звонок продолжал звенеть, но вскоре смолк. Наступила тишина. Лиля заволновалась, но я ее успокоил, сказав, что это кто-то по ошибке звонил. Вдруг послышались звуки с балкона, потом стук в окно.

—Открой балконную дверь! – Понял, что Ида. –Не открою, уходи, –не откроешь – разобью окно! – Зная ее темперамент, а иногда и безрассудность, поверил, понял, что выбьет стекло. Тогда шепотом и жестами, с извинениями попросил Лилю уйти, т.к. остаться просто опасно – не известно, что ожидать от Иды, когда она увидит Лилю. Лилия была послушна. Открыл дверь и выпустил ее из осажденной квартиры на свободу. Открыть балконную дверь для Иды мешала елка, и я открыл окно. Ида одним махом перелезла и влетела в комнату, озираясь по сторонам, словно ища кого-то.

—Кто у тебя был? –Никого не было, – А музыка, а вино? – Сам, один, совсем один отдыхаю. Мгновение и она сбрасывает с себя шубу, через голову снимает платье и все остальное, что на ней было, и предстает обнаженной с распущенными длинными волосами. Высоко подняв голову, гордо посадив ее, сверкая прекрасными глазами, выставив грудь, произносит:

—Ну, что? Чем не хороша тебе Ида? – Наклоняется к су-

мочке, достает из нее бутылку.

—Это спирт, дай стакан, — приказывает. —Может рюмку и воды разбавить? —Нет, только стакан, воды не надо. — Я приношу и протягиваю ей граненый стакан. Ида выдергивает бутылку из затычка, наполняет стакан светлой жидкостью и выпивает одним махом. Стоит, обожженная спиртом, смотрит на меня ошалело и удивленно. Мне и смешно, и жалко ее. Я бросаюсь к ней, обнимаю, целую. Она, отбиваясь, плачет, вырывается, а потом обмякает в моих руках. Я накидываю на нее шубу, несу в спальню, кладу в постель, и собираюсь уходить, как слышу ее вялый, нежный тихий шепот, — не уходи, иди ко мне, мне холодно, согрей.

И вот в эту рождественскую ночь Ида входит в мою спальню. Думаю,: —Как удалось ей войти, неужели, как и тогда — через окно? — Она красива, длинные волосы распущены по плечам, говорит нежным голосом, возбуждая мое мужское естество, я стремлюсь к ней, протягиваю руки и притягиваю к себе. Мы сливаемся, как и прежде в единое. Она прекрасна, я люблю ее. После этого она исчезает. Проснулся под свежим впечатлением с радостным чувством — все прежнее вернулось! Перед глазами всплывает видение ночи с Идой. Задумываюсь:

—Почему, зачем прервались отношения тогда, с реальной, ведь как была хороша! — И, вспомнив увиденные во сне ее волосы, мысленно перенесся в Батуми. Шум фена и мотание мокрыми волосами сопровождало бы меня всю жизнь

каждый день? Нет, нет. За что? Пожалуй, было бы не легко.
Бежал, и вот – свободен. –Хм...Зачем? Кому он нужен?

Дамская гитара

В студенческие годы, после окончания четвертого курса и обучения на военной кафедре ремеслу зенитчика на 57-мм зенитном комплексе С-60, я побывал в Калининграде на артиллерийских сборах в Московской дивизии, откуда походом выезжали с зенитками на Куршскую косу. Там жили в палатках, на утреннюю физзарядку прибегали на песчаный пляж Балтийского моря, который выглядел словно причесанным. Расческа была широкой, в несколько метров, чтобы нарушитель границы не мог ее перешагнуть, и даже перепрыгнуть, не оставив следа. Причесывался берег бороной вечером. Распускать прическу первыми прибегали мы. В школе и в институте я прыгал в длину почти на пять метров, но боронованную полосу перепрыгнуть никак не мог.

И вот кандидату наук, доценту политехнического института в отпуске от какой-то тоски при воспоминаниях о том уже далеком прошлом, захотелось побывать там снова. Город помнился взорванным пролетом моста трассы на Берлин, одним концом, уткнувшимся в воду, а вторым, задраным в небо, с застекленной круглой крышей вокзала, в который поезда въезжали, словно в футляр, с кафедральным собором в руинах и уцелевшей у стены могилой немецкого философа Эммануила Канта, труды которого изучал студентом и для сдачи кандидатского минимума по философии.

Гвардейская воинская часть занимала комфортабельные немецкие казармы с кухней и прачечными в подвале, с асфальтовым плац-парадом в немецкие времена подогреваемым.

Останки прошлого Königsberg влекли в Калининград. К тому же, и с некоторым удивлением отмечал, что с примесью чувства ностальгии. Неужели его можно было приобрести за месяц лагерных сборов с редкими экскурсиями по городу? Может быть четыре года жизни в войну в немецкой армии и общение с немецкими солдатами привили мне чутье и вкус к духу немецкого-прусского, что навсегда останется в этом городе? Но это именно так. Этот город мил мне. Что мои чувства? И в глубокое русское время города мнение горожан указывает на то, что они хотели бы город переименовать в Königsberg, а в глубине души – присоединить его к Германии.

В профкоме института оказалась путевка в санаторий г. Зеленоградск. Секретарша была рада, что появился наконец-то охотник на эту путевку:

— Не берут, не хотят ни преподаватели, ни студенты покидать налеганное, уютное и привычное рижское взморье и ехать в неизвестную Россию. – До этого в Зеленограде бывать не приходилось, знал только, что он у моря, в начале Куршской косы, в километрах тридцати от Калининграда.

Электричка, не такая ярко зеленая и не так хорошо помытая, как на Рижском взморье, а потрепанная, изрезанная, с треснутыми, а иногда и с выбитыми окнами после получаса

дороги ввиду идущего справа, вдали, шоссе, укрытого некогда от авианалетов кронами буков, грабов и лип, приближалась к Зеленоградску. И впрямь зеленый град. Издали курчавится кронами деревьев, над которыми возвышается крыша водонапорной башни, похожая на каску-шлем кайзера Вильгельма. Школа со стадионом в предместье выдали приближение города. Поезд начал резко тормозить у первой привокзальной постройки – пакгауза и зеленого железобетонного туалета. И вот я в Зеленоградске – прежнем немецком Kranz.

Тут же, у вокзала, вижу давно не виданные родные по прошлому России и Риги вывески “Булочная”, “Пельменная”, окна в резных наличниках, но не ветхих и старых, а в новых белы, чистых под alarus. Почему-то не верится, что это русское. Походит на немецкий или китайский строительный импорт. В конце перрона стоянка автобусов. Автобусы ЛАЗы и ПАЗы, знакомые с давних советских времен.

Здание санатория в три этажа немецкой постройки, имеет курортный вид, похоже на взморские под Ригой и, особенно на поликлинику у моря в Майори. И во время войны оно служило санаторием, где после ранения восстанавливали здоровье немецкие летчики. Поместили меня в комнату на троих, считай, что в гостиницу о трех звездах. Комната большая, с окнами, выходящими в парк с высоченными липами. По краю парка набережная бетонной стеной над песочным пляжем, с асфальтовым тротуаром и корявым тоже бетонным парапетом. Он сдерживает натиск бесконечного коли-

чества тел отдыхающих женщин, любующихся морем, и животов мужчин, любующихся тоже морем, но больше разложенными солнцем телами девушек, которые периодически, как компасная стрелка на Север, поворачивают за солнцем. В бури стена противостоит мегатонной мощи открытого моря, и тогда звуки глухих ударов волн, бьющих в него, залетают в мою комнату, затемненную кронами лип даже в ясный солнечный день.

Перед отъездом звонил бывшему рижанину Эдуарду, но не застал. Жена сказала, что он после инфаркта лечится в санатории Зеленограда, в реабилитационном отделении. Посочувствовал ей, но обрадовался – будет хоть один знакомый на первое время. На другой день, разыскивая его корпус, шел и пытался представить себе, каким он стал после нескольких десятилетий разлуки? Увидел, легко узнал – он мало изменился, только немного раздался, но добродушное выражение лица, улыбка на полных губах и шрам напомнили о нем прежнем. Правда, ростом показался чуть меньше, толще, или это просторный спортивный костюм создал такое впечатление.

Прежде, при встречах, мы радостно пожимали руки и, долго не отпуская трясли, сегодня же он лишь вяло протянул руку и принужденно улыбался.

— Как ты оказался в Калининграде, Эдик? – спросил я, на что он ответил небольшим повествованием. Услышал жалобы на сердце – перебои, высокое давление и

инфаркт. Подумал – Наверно Эдуарду, как и тогда, в Риге, по-прежнему, приходилось нарушать режим и ритм жизни. – Рассказал, что, как и в Риге, работал в Братске на ЭВМ. Зимы там длинные и суровые. Приходилось часто согреваться и не только чаем. Почувствовал сердце, врач посоветовал поменять место проживания, и перебрался в Калининград, но сердце все же подвело – инфаркт. Врач рекомендовал реабилитационный курс в санатории Зеленоградска, и вот я здесь, на море, на Куршской косе.

В Риге он часто сиживал в малом зале ресторана “Рига”, с входом с мощным булыжником узкой улицы Вальню. Я заходил туда довольно редко, и иногда заставал его там. Нельзя сказать, что он всегда был пьян – нет. Но всегда казался под градусом. Речь Эдика была с некоторым изъясном, говорил с поволокой, и потому нельзя было с уверенностью судить по ней – трезв он или пьян. Эдик работал оператором на большой электронно-вычислительной машине в Академии наук. Я бывал у него. ЭВМ занимала почти вокзальный по размерам зал первого этажа единственного высотного здания в городе, по проекту «Дом колхозника». Она гудела, жужжала, щелкала, мигала множеством лампочек. Уход и профилактические работы этого лампового гиганта выполнялись с применением медицинского спирта. Куда было деваться инженеру с зарплатой в 83 рубля в месяц? Ходить за закуской, да и только.

Ресторан начинался с просторного зала бара, и Эдуард

предпочитал его. В нем было и многолюдней, и более на миру, а значит и веселей, и большой выбор коктейлей, не требующих приличной закуски. Предлагались бутербродики – канпе с колбаской или килькой с яйцом, пирожные. Но его ресторанный тактика менялась, если он был приглашен на день рождения. Тогда он начинал активно посещать главный зал ресторана, где играл оркестр, пела солистка, и тогда он заказывал серьезные блюда – вроде свиной отбивной за рубль двадцать. Конечно, пребывания в этом зале были более затратными, нежели в баре. Но Эдуард не мог позволить себе явиться на день рождения без подарка. Со своей инженерной зарплатой купить приличный подарок он не мог. Поэтому всегда дарил ресторанные комплекты то ножей и вилок, то рюмок, то бокалов. Иногда это был комплект из трех предметов – по числу посещений ресторана. Иногда, после зарплаты, мог быть уже и из пяти. Наличие на подарках то зарубок, надразов на ножах, вилках и ложечках, то гравировок „Ресторан Рига” на стекле бокалов, и он сам и одариваемый именинник считали шиком. Подарки считались дорогими и были желанными, принимались охотно и со смехом – мол, и от администрации ресторана „Рига”.

Не имея своей квартиры, Эдуард жил неизвестно где. На лето набирал профсоюзные путевки в дома отдыха на Рижском взморье. Энергичного, веселого, добродушного и улыбающегося, его любили официантки и закармливали котлетами и пудингами с киселем. В выходные дни он приглашал друзей

в гости. После дня на песках под солнцем и зачастую только с мороженым за весь день, мы с надеждой на ужин вместе шли в его дом отдыха, и Эдуард всех кормил. Иногда он устраивался инструктором по физкультуре и проводил занятия с отдыхающими по утрам на пляже, и в сопровождении гармониста. Тогда он имел комнатку в этом же доме отдыха. В ней на табурете стояла электроплитка. Эдуард угощал гостей жареной картошкой. Получалась она у него всегда вкусной. Свой рецепт Эдуард открыл охотно:

—На горячую сковороду кладу мелко нарезанное свиное сало или шпек. Пустит жир – засыпаю нарезанным луком, даю ему подрумяниться и кладу нарезанную сырую картошку, посыпаю ее солью, поджарится – мешаю, убавляю огонь и томлю под крышкой. До сих пор помню его рецепт и жарю по нему, вкусно как сорок лет тому назад.

Через два дня срок его путевки закончился, и Эдуард уехал в Калининград, пригласив меня непременно побывать у него дома, познакомиться с женой и дочкой. Новыми знакомыми я не обзавелся, чувствовал себя одиноко, и стал думать чаще – нужно познакомиться с какой-нибудь девушкой.

Несколько раз наблюдал из окна, как по парку прогуливается девушка в светлом платье в розах. Светлые волосы гладко, с пробором посредине головы расчесаны и заплетены в косу. Роста невысокого, ноги белые ровные, походка упругая. Прямо девица краса – русая коса. С высоты и отдаленья в ней все же виделся один изъян – она курила. Гуляла и ку-

рила, курила и гуляла. Казалось – что мне за дело? Но мне все же не хотелось, чтобы эта девушка курила.

Днем я вышел тоже в парк и наши дорожки пересеклись. Оля приехала из Иваново после окончания в этом году института, причем окончила с красным дипломом. Участвовала в художественной самодеятельности института, гастролировала с ансамблем по областям России, играла на гитаре и пела сольно. Однажды она с мечтательным вздохом сказала: —Ах, если бы можно было найти гитару.

Вчера я брал в комнате отдыха шашки, заметил там гитару, и пообещал Оле принести. Она обрадовалась и будет с нетерпением ждать. Массовик-затейник предложил единственную гитару, имевшуюся на складе. Она оказалась непривычно маленькой.

—Не детская ли?– Спросил я. —Нет, дамская. – Я, конечно, обрадовался такому везению и взял ее. Оля признала в ней старинная русскую дамскую гитару. Долго занималась ею, настроила и ловко пробежала своими маленькими пальчиками по струнам, извлекая приятные и давно не слышанные живые гитарные звуки, которые заметно отличались от звуков музыки, звучащих по радио, из телевизора или магнитофона. Музыка из них словно продукт из консервной банки – потребляешь, но знаешь, что есть натуральный и он вкуснее. Зная это, любил бывать в опере или балете, выбирая место поближе к оркестру, стараясь оказаться чуть ли не над оркестровой ямой.

Мои соседи, узнав, что я знаком с играющей на гитаре Олей, попросили меня пригласить ее вечером к нам, и она пришла. На столе были чай, фрукты, водка и вино, добытое большими стараниями, поскольку страна была в состоянии антиалкогольной борьбы, и заставить напитки в магазине было большой удачей. Пока я готовил всем чай, используя кипяtilьник на стакан, за столом велся неопределенный разговор, как обычно, в начале почти любого застолья, до первого тоста. Оля чувствовала себя в новой компании свободно. Держалась непринужденно, по-хозяйски, и выглядела почти лидером, держала компанию в своих руках. Дополнено это было несколько необычным, на мой взгляд, способом. Оля сама выполнила те манипуляции с напитками, которые обычно выполняют мужчины. Так она сама сняла “бескозырку”, как говорят о снятии с бутылки алюминиевой крышечки с отгибом, напоминавшем одну ленточку матросской бескозырки, сама разлила напиток по стаканам. Я просил ее не мучиться, мол, это дело мужское. На что Оля ответила:

—У нас в Иванове это дело женское. —Первым, конечно, был тост за женский пол прекрасный и его единственную представительницу — Олю.

Все с нетерпением ждали, когда же Оля начнет играть. Гитару она взяла после нескольких тостов. Сыграла и спела хорошим голосом несколько песен. Мы долго ей аплодировали, и прозвучал тост:

—За нашу очаровательную цыганку!

Моя трехместная комната была хороша, но одно несчастье заставляло меня думать о переходе в другую комнату. Причиной были ночные комары, победить которых было невозможно. Всей комнатой перед сном выгоняли их, и только тогда могли заснуть без их жужжания и навязчивых налетов. Уже в первое утро я увидел в зеркале свое лицо в темных точках с припухлостями. Укусы были какими-то ядовитыми, оставляя вздутия и синеву вокруг. Лицо, как у юноши, словно в „хотимчиках”, как острословили мальчишки постарше, видя подобное на лице юноши. Мое цветущее лицо вызвало сострадание у сестры-хозяйки и она перевела меня в двухместную комнату, выходящую на сторону улицы. Первая же ночь убедила меня, что я спасен. Но следы нападений комаров я привез и в Ригу, и только постепенно они стали пропадать.

Гитара оставалась в моей комнате, а сосед после обеда не возвращался. Приходила Оля, брала гитару и с задумчивым видом, словно глядя в никуда, перебирала струны, пока душа не останавливалась ее на какой-нибудь песне. И тогда пела. Я лежал на кровати, она сидела в ногах, пела для себя. Пела, а у меня перед глазами в мыслях мелькало что было, что прошло, или чего хотелось. Для меня игра Оли на дамской гитаре была той “первой и единственной скрипкой”, и я, не отрываясь, смотрел на ее глаза, руки, слушал ее с восхищением, впитывая музыку. Но Оли не было здесь, Оли не было со мной. Она была в неведомом мне пространстве и со-

стоянии, словно заколдованная. Прервалась музыка, замер последний аккорд, и Оля стала возвращаться. Придя в себя, обратилась ко мне:

—Что тебе сыграть, какую песню хочешь услышать?

—Что-нибудь о нашей жизни серой, бестолковой, где нам с тобою нечего терять. Жизнь прошита ниткою суровой, а в конце сургучная печать.— Ее я слышал по радио в передаче “В нашу гавань заходили корабли”. Сейчас напую мелодию. Оля быстро подобрала мелодию, и мы дружно, вдохновенно и весело, но сбивчиво пропели эти полузабытые слова о гавани, где „в таверне веселились моряки и пили за здоровье капитана”, наполнившие мою душу и сердце несбыточной мечтой путешествий.

Много раз слушал цыганский романс „Песня цыганки”. Лишь начнет звучать и закончится, или припомнится какая-нибудь цыганская песня или мелодия, пропою ее про себя или, если не прилюдно, то и вслух, и вспоминаю строку “...будет песни петь, играя, на коленях у тебя”. Представлю черноокую красавицу в цветастом платье, с блестящими черными волосами с вплетенными алыми лентами, с белозубой улыбкой, обращаемой иногда к нему с поворотом головы. Она у него на коленях играет и поет любимому. Так думалось, так хотелось, чтобы и со мной такое случилось. Было похожее, тоже очаровательное и волнующее, но только под звуки пианино.

Ах, если бы это произошло со мной, много раз думал я,

снова слушая цыганский романс Оли. Но со мной все не случилось, и не случилось. Гитару давно не слышно, да и цыганку увидеть – редкость.

На узкой несколько затемненной высокими домами улице Вальню заглянул в магазин пластинок “Мелодия”. Продащица отдела эстрадной музыки поставила на проигрыватель пластинку. Звучит гитара, мужской голос поет цыганскую песню. Прилавок окружили цыганки, слушают пластинку. Одеты в разноцветные длинные платья и юбки, кофты, на плечи накинuty платки, перехваченные на груди, бусы, цепочки с монисто, серьги, кольца и еще много, что переливается и позванивает. Цыганки слушают, пританцовывают и пошевеливают плечами. Стою рядом, смотрю на цыганок с удивлением – так их много. Но они не похожи на кочевых таборных, каких видел на деревенской дороге, выглядят опрятными. Слушаю пластинку, она мне нравится. Какой-то бес меня подталкивает, и я обращаюсь к ним:

—Что, красавицы, хорошо поет?

—Очень хорошо, золотой.

—Мне тоже нравится пластинка, но я не решаюсь все же ее купить. Вы советуете?

—Да, красавец, купи, купи обязательно.

—Хорошо, девушки, куплю, если вы мне что-нибудь напишете на ней на память. –При этом мгновенно мелькнула мысль – а умеют ли цыганки писать? Если скажут, что не могут, попрошу продиктовать и напишу под диктовку.

—Хорошо, покупай, напишем.

Получил пластинку и отдал ее цыганкам. Протянул им авторучку. Они склонились над пластинкой, обнимая друг дружку за талии и прижимая голова к голове к одной, что в середине, которая собралась писать. Послышались веселые, сбивчивые разноголосые непонятные речи. Наверно советовали той, что писала. Потом шептались, потом смеялись, и наконец, распрямились, улыбаясь и смеясь, сверкая черными глазами:

—Ах, как трудно писать, легче сплясать. Возьми, золотой, на память.

—Спасибо, девушки. —Стал читать. Но, увы, буквы русские, но содержание скрыто. Написано: Дарисимо ни бакт, чтоб тулинге бахт велос. От цыганского табора Львовского Ролина.

—Красавицы, переведите, пожалуйста, что вы написали.

—Много добра тебе, красавец, желаем.

Не знаю, интернационален ли этот цыганский, и переведут ли наши местные. Если нет, то узнаю содержание только, если приведет судьба оказаться в таборе Львовского Ролина. И много раз эта виниловая пластинка ФОРТЕС с вокально-инструментальным ансамблем цыган звучит в моем одиночестве, и снова и снова влечет к несбывшейся мечте, но приближенной Олей и ее гитарным перебором.

В экскурсию по Калининграду и в гости к Эдуарду поехали с Олей. Прослушали старательную экскурсовода, любова-

лись янтарными изделиями в Музее янтаря – и Кремлем, и шахматами, шкатулками, кубками. На выходе сфотографировались на память.

Разыскивая Эдуарда, с удивлением поняли, что пронумерованы на его улице не дома, а квартиры. Эдуард принял нас с радостью, жена же просто терпеливо. Взрослого сына с женой и дочкой не было, они жили в другой квартире. И снова я встретился с коронным блюдом Эдуарда – жареной картошкой, но уже не только в собственном благоухании самой и жареного лука – атрибутики холостяка, а в роскошном окружении всего, что приготовила жена. Все блага семейной жизни были на столе. И все же, на воле картошка была вкусней. Жена переводила оценивающий взгляд то на меня, то на Олю, хмурилась, была молчалива, и приклеила улыбку к лицу, только провожая нас. Правда, и в обращении к Эдуарду она не светилась улыбкой. Позднее в разговоре с Эдуардом я задал ему вопрос.

—Что-то твоя жена меня тогда не приветила, а Олю в особенности?

—Знал бы ты как она оценила твою Олю.

Была еще одна встреча с Эдуардом, последняя. Началась эра перестройки М. С. Горбачева. Я был снова в Зеленограде, и позвонил Эдуарду. Ответила жена:

—Его нет.

Перед Музеем янтаря

Слова прозвучали очень холодно, если не сказать зло. Тон меня удивил и словно резанул с болью. Пытаясь объяснить себе причину, мгновенно связал этот тон с приемом нас с Олей, внутренне вспылел, но сдержался и продолжил вопросы.

—Когда вернется?

—Он сюда больше не придет, он живет по адресу..., его телефон..., и повесила трубку.

Поехал к Эдуарду. По указанному адресу нашел отдель-

но стоящий старый одноэтажный красного кирпича дом под липами и каштанами, с красной черепичной крышей, посыпанной опавшей осенней листвой.

Входная дверь была открыта. Вошел и попал в комнату, заставленную многими телевизорами, некоторыми уже вскрытыми, с вынутыми панелями и кинескопами. Увидел еще одну дверь, прошел в комнату, и тут увидел Эдуарда. Он лежал на спине, на неопрятно застланном матрасе, на полу, с руками за головой, и нехотя повернул ее в мою сторону. С натянутой улыбкой и тихим голосом он сказал:

—Видишь, в каком я положении. Посмотри на стены, на потолок, зайди в кухню. — Я посмотрел и увидел стены с содранными и висящими лохмотьями обоями, потолок исчерченный глубокими бороздами, картина в кухне была такой же разгромной.

—Что случилось, Эдик?

—Сын с женой постарались.

Эдуард поведал, как он выиграл в перестройке, и как пострадал от сына и его семьи.

В этом ветхом государственном доме я арендовал все помещения и открыл мастерскую по ремонту телевизоров. Заказов было много, я держал двух помощников и хорошо зарабатывал. Появилась возможность приватизировать этот дом. Деньги у меня были, да и цена была смешной. И вот я оформил его в мою собственность. Мастерская была в этой большой комнате, а в остальных двух поселился сын с се-

мьей. Они сделали хороший ремонт, и мы дружно зажили. Я как-то схватил воспаление легких, долго болел, но лечение продолжалось. Сын стал заговаривать со мной о переоформлении дома в его собственность, мол, ты отец стар, болеешь, и не ровен час – все может случиться. Мне эти разговоры с намеком на скорый отход в мир иной были не по душе. Я отнекивался, отшучивался. Тут и невестка принялась тоже талдычить. Я не стерпел и однажды твердо сказал – Нет. Из-за легких пришлось лечь в больницу. Но что-то ко мне ни сын, ни невестка, ни разу не пришли. Выписался, вернулся в дом, и что я увидел? – тоже, что и ты видишь теперь. – Да, жестоко ребенок повел себя, не как родной, а как враг, – подумал я. Не дай бог, чтобы подобное произошло со мной, но не внял всевышний.

—Ну, что же, испил ты, Эдуард, горькую чашу, но не горевать же до конца дней. Давай изопьем другого напитка, что я принес – вкусного и полезного, а в твоем состоянии, пожалуй, и целебного. – Лицо Эдика немного посветлело, встал во всем спортивном адидасовском трехполосном костюме, и мы отправились в кухню. Вино хорошее лекарство от душевных страданий. Провожал меня улыбающийся Эдуард.

А теперь, когда Эдуард еще далек от страданий, я поднялся, обнял Олю, прижался щекой к ее щеке и перетянул к себе на колени.

—Спой ту песню цыганки.

Оля догадалась, о какой песне прошу, уронила обреченно

голову на грудь, воспрянула, вздохнула и запела. Я впитывал слова, музыку, тепло, запах и давление ее тела. Закрыв глаза и хотел остаться со всем, что есть в эти минуты, навсегда. Хотелось полюбить, но не мог заставить себя войти в это состояние, любовь не входила в меня, а песня томила душу и звала к любви.

Для отдыха летчиков немецкий архитектор придумал в корпусе санатория танцевальный зал, бильярдную комнату, зал настольных игр, бар, кинозал. Танцевальный зал – застекленная веранда, с выходом в сад. И теперь есть бильярд и шахматы, и шашки. Бар, к сожалению, не работал.

В вечер перед отъездом Оли был танцевальный вечер. Мы танцевали с ощущением расставания, были молчаливы и немного грустны. Каждый думал больше о своем, и танец уже не был полным надежд и неизвестности, как в первые вечера знакомства. Оба соблюдали прощальный этикет, походивший на расставание с отъезжающим на вокзале, когда все чувствуют, что пора бы проводам закончиться, а поезд все не трогается. Я рассеянно посматривал на танцующих как вдруг мелькнула интересная девушка. Проводив Олю в ее корпус, я вернулся в танцзал, собственно говоря, именно из-за той, мелькнувшей, и застал ее. Стыдя себя за измену, пригласил ее на танец. Зовут Галя, студентка, учится в Омске, высокая, стройная, красивая и веселая. Только вчера как приехала. Пригласил ее завтра съездить вглубь Куршской косы – согласилась. Выехали обычным рейсовым авто-

бусом и через час вышли на какой-то остановке. Прошли на берег залива, противоположный берегу открытого моря, до которого было, наверно, около полукилометра. Берег песчаный, песок белый и теплый, яркое полуденное солнце. Сели на окруженном ивняком плесе. Безмолвно в восхищении любовались гладкой водной далью, далекими белыми кучевыми облаками, с писком пролетающими над водой ласточками. Более мирной и ласковой картины, вызывающей лень и негу, никогда в моей жизни не было и, наверно, уже не будет. Но главным во всем, и вызывавшем чувства почти несбыточности, была Галя. Она была одета в раздельный купальник из шелка с видами Парижа – Эйфелевой башней, мостами через Сену. Несбыточностью был и Париж. Купальник разноцветный, много желтого и голубого, и немного отходил у изгиба бедра. От вида ее такой перехватывало дыхание, спазмы сдавливали горло, и кружилась голова. Спасеньем были вино и конфеты. Разлил вино в граненые стаканчики и предложил Гале выпить на *bruderschaft*.

—А что это такое, как? – Лукаво улыбаясь и смеясь, спросила Галя.

—Это не объяснимо, могу только показать.

Выпили вино и под моим руководством, не отрываясь, в поцелуе, вознеслись в не горние вершины духа и тела. Ах, Галя Рыбалкина, будто не я, а ты вошла в меня на всю оставшуюся жизнь. Ни завтра, ни в следующие дни Гали больше не увидел. Ходил по санаторию, по пляжу, искал ее. Но она

исчезла. Память возвращала меня то к ней, то к Оле.

Об Оле вспоминал и хотел почему-то встречи. Осенью намечалась командировка на конференцию в Москву. Позволил Оле в Иваново и упросил ее приехать в те же дни в Москву. Встретил ее на Белорусском вокзале. Удивился перемене в ней. От летней Оли почти ничего не осталось. Это огорчило меня и понизило тонус радости, наверно замеченный ею. И в ней чувствовалось молчаливое удивление нашей встрече. Издалека оба хотели продлить лето с гитарой на чудесном балтийском берегу. А встретились – нет, не получалось. Через день простились холодно и навсегда, как в песне, которую пела Оля:

—Нет к прежнему возврата, коль в сердце нет огня. —А огня, признаться, не было и тогда. Были звуки гитары и слова песен, звавшие к нему, огню любви.

Пансионат “Весна”

Два молодых инженера, Павел и Нестор, недавно начавшие трудовую жизнь, и достигший пенсионного возраста, но не расставшийся с рейсшиной и карандашом конструктор Владимир Владимирович – все работники одного завода, питавшие друг к другу симпатию, договорились вместе поехать к Черному морю, в пансионат „Весна”. Павел во время практики на заводе и, начав работать, заметив могучую впечатляющую фигуру Владимира Владимировича, узнал, что он недавно вышел на пенсию, и поинтересовался у его соседа за доской – какая у него зарплата? Оказалась 160 руб. Его же приняли в бюро надежности инженером с зарплатой 120 руб. И тоже может случиться и со мной? – подумал Павел. К шестидесяти годам тоже дорасту до 160 руб.? Буду увеличивать свой доход на один рубль в год? Нет, нужно будет что-то менять.

Владимир Владимирович на их молодой взгляд казался очень пожилым. Усиливали это впечатление и его седые волосы. Несколько не вязался с его возрастом, импозантным видом и манерами истинного джентльмена синяк под левым глазом. Молодые инженеры обсуждали это пятно на биографии конструктора первой категории, но не могли представить себе причину его появления, не могли даже подумать, что он мог с кем-то подраться, однако, спросить самого стес-

нялись. Стеснялись при встречах перед отъездом, в поезде и у Черного моря. Их сдержанность, наверно, удивила Владимира Владимировича, и на обратном пути он сам решил объяснить происхождение синяка.

—Вы, наверно, думаете – где это Володеньке засветили? Отвечу. У меня моторная лодка, рыбачил на озере Югла. Вдруг, поплавок скрылся, потом вынырнул и мощно повело. Я, чтобы леску не оборвало, потянулся за ним, да так, что выпал из лодки и ударился об воду. Уже которая неделя идет, и только, только синяк сошел.

Юноши слушали, кивали в знак согласия, а про себя прикидывали – так ли все было и можно ли с высоты роста человека так удариться о воду. Но сомнений не высказали, и Владимир Владимирович, закончил:

—Вы, мальчики, настоящие джентльмены. Ни словом не обмолвились и вида не подали. Молодцы.

—Ну, что вы, Владимир Владимирович, мы даже внимания на него не обратили, – ответил Нестор убедительным тоном, без улыбки.

Разместили всех троих в одной комнате второго этажа, с балконом, и началась южная жизнь. Бесшумный подъем первого вставшего, тихие сборы и выходы до завтрака к морю. С теми же осторожностью и вниманием к последнему спящему уходил к морю и второй. На завтрак шли вместе, садились за один стол.

Всем было хорошо, кроме Павла, которого среди ночи на-

чинала мучить боль в шее. Он просыпался, на цыпочках, бо-сиком, боясь разбудить остальных, подходил к столу с облат-кой таблеток в руке и принимал обезболивающую таблетку, запивая прямо из графина, и ложился, ожидая начала ее дей-ствия. Боль затихала, и он засыпал до подъема. В одно ран-нее уже светлое утро его снова разбудила боль. С завистью посмотрел на спящих Ефрема и Нестора, принял таблетку, лег. Но боль все не проходила и сон не шел. Тогда оделся и вышел из корпуса в сад. Бродил по дорожкам, вдыхал свежие запахи раннего утра, слушал голоса проснувшихся пташек, наклонялся и нюхал розы. Через некоторое время проснул-ся и обнаружил себя лежащим на кустах самшита. Понял, что спал на них. Вспоминает, почему он оказался здесь, а не в корпусе, не в своей постели. Приходя в светлое созна-ние, восстановил в памяти прошедшее, и понял, что таблет-ка усыпила его на ходу, по дороге в корпус, и он рухнул на самшит. Сколько так спал – не представляет. Но чувствует, что выспался.

Высокое солнце к обеду жгло немилосердно. Люди на гальке лежали плотно, в азарте загарного потемнения, что-бы в умеренных краях своей кожей свидетельствовать о под-виге у Черного моря. Проходя по верху над лежбищем за-горавших, Павел выхватил взглядом двоих мужчин, лежав-ших у самой бетонной стены, внизу, далеко от кромки воды. Горячее места найти было бы трудно. Они лежали голова к голове, в одних плавках, на крупной гальке и без всякой под-

стилки, спали. Их не могли разбудить ни проходящие мимо сопляжники, ни плачущие крики чаек, ни грохот мчащихся над ними в двадцати метрах грузовых поездов с нефтеналивными цистернами или с открытыми платформами с галькой, сдуваемой на них вихрями воздуха. Павел смотрел на мужчин с удивлением и восхищением. Так спать навзничь, лицами, обращенными к солнцу в зените, могли только богатыри земли русской. Илью Муромца, Добрыню Никитича и Алешу Поповича в дозоре на южной границе Руси, спавших в тени коней, к полудню тоже жгло горячее южное солнце, но их оберегали боевые одежды, а у этих – только плавки. Подошли Нестор с Владимир Владимировичем, и стали вместе гадать – кем бы эти друзья могли быть?

– Сибиряки, или шахтеры из-под сибирского Новокузнецка, или металлурги от мартеновской печи, или кочегары домоуправления? Особенно восхищался ими Павел, для которого даже короткий сон на спине был мученьем от боли.

– Мы здесь с десяти, а уже двенадцать. Они же не шелохнутся. Завидую.– Павел похожий долгий сон под солнцем наблюдал в Юрмале. Девушка в одной позе спала с двенадцати до шести вечера. Но там было легкое ласковое солнце, и у нее была цель – загореть, и очаровывать всех мужчин и женщин подряд. А эти?

Нестор ушел по насыпи, вернулся с широкой улыбкой, почти смеясь.

– Понял, что это за мужчины. Такие же, как и мы, что

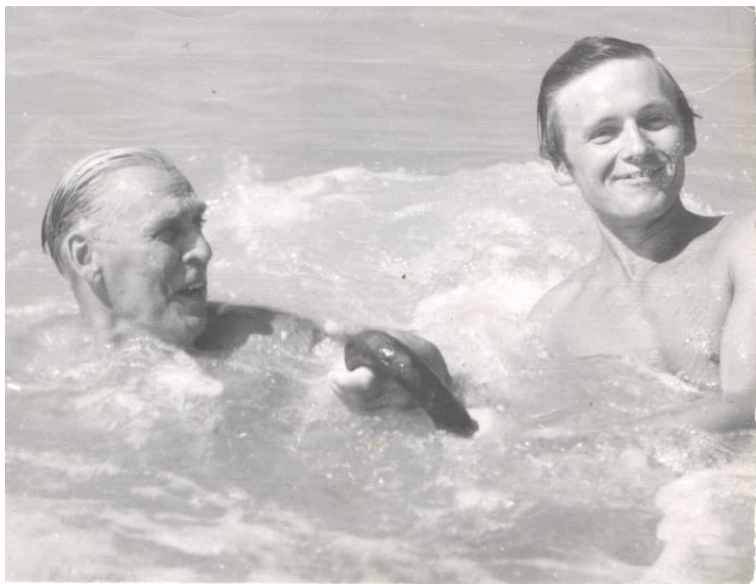
принимают по утрам. Сверху видно – между головами лежит пустая водочная бутылка.

Наступило долгожданное обеденное время, а с ним и избавление от солнца. Уходят, оглядываясь – те лежат или встали? Нет, лежат.

В низине, у моря на камнях и гальке вечерами появлялись женщины с красным вином из винограда сорта “Изабелла “. Рижане обычно выпивали его вечером. Но кто-то из интереса к эксперименту предложил попробовать делать это и утром, перед завтраком, мол, кое-кто из великих дегустаторов рекомендовал. Попробовали и они, и надо же, оказалось, что это приводило в интересное восхитительное состояние души и выливалось в прекрасное настроение. С тех пор завтрак начинался по новому рецепту.

В другой день наша тройца, вдохновленная „Изабеллой” и томимая однообразием пляжного пребывания у моря, придумали развлечение – стали соревноваться, нырять в мелкую воду с дном в гальке и булыжниках, хорошо видимыми, с наклонной бетонной стенки, идущей от железнодорожной насыпи. На кону, так сказать, было – кто последний сдастся. Глубина здесь была небольшой – по колено, и чтобы нырнуть и не врезаться в камни, приходилось падать в воду почти плашмя. С малой высоты и Павел, и Нестор, и Владимир Владимирович проделывали это легко. А самый тяжелый, Владимир Владимирович, проделывал это просто отменно. Понемногу высоту нырянья увеличивали, и все сильнее нуж-

но было пластаться и бить по воде руками, приводняясь, чтобы не врезаться в дно. Звуки шлепков, вспененная вода и брызги с отфыркиваниями ныряльщиков, возгласы— здорово! Несколько зрителей на горячем бетоне обозначили место их развлечения. Занятие было увлекательным, проходило в азарте. Особенно импозантно выглядел и нырял Ефим Лукич – высокого роста, плотный, могучего телосложения, симпатичный и в солидном возрасте. При его девяноста пяти килограммах казалось, что вода раздастся, и он поцелуется с черноморской галькой. Но обошлось без травмы. И что удивило Павла и Нестора – нового синяка не появилось. И в них закралось сомнение в происхождении привозного из Риги, разве что, соленая вода Черного моря сразу исцеляла. Наконец ныряльщики добрались до горизонтальной площадки, выше уж некуда, и все трое нырнули с нее. Ни первого, ни последнего – ничья. Павел стал выворачивать руки, смотреть – не появились ли синяки? Нет, хоть бить о воду приходилось со всей силой.

Владимир и Павел в ласковой черноморской волне

Стоявший среди зрителей мальчик посмотрел на счастливых ныряльщиков и тихо себе под нос сказал, что он тоже может нырнуть отсюда. Мальчик невысокий, белобрысый, с выгоревшими бровям, хорошо загорелый, по-детски щупленький, лет девяти-десяти. Похоже из местных. Жалостливый Нестор ему:

– Не надо, не ныряй с такой высоты, ведь ударись о дно. Нырни сначала с полуметра, попробуй.

На что мальчик уверенно ответил, что не боится, что уже нырял. Павел подумал, что, пожалуй, и сможет. Вспомнил себя в пятом классе, как учительница физкультуры в жаркий день начала сентября привела их в динамовскую купальню на берегу Даугавы. Павлик увидел вышку для нырянья с площадками на высоте 3, 5 и 10 метров. Проплавал саженками, на боку, на спине, а потом решил нырнуть с трех метров. Нырнул солдатиком, потом поднялся на пятиметровую, посмотрел вниз – далеко, очень далеко, вода еле видна, страшно. Прыгать не стал, но не застыдился перед классом, смотревшим на него. И тут одноклассник Олег Иозенас смело взбегаёт на десятиметровую площадку и решительно бросается ласточкой с нее. Павел восхищен, класс восхищен, учительница встречает его на мостках и ругает – как он посмел без ее разрешения, но все видят, что ругает она его понарошку, что тоже восхищена и гордится им.

Павел решил, что, пожалуй, мальчонка тоже сможет, и, тем более, что здесь не десять метров, да он и не боится. Пояснили ему технику, необходимость тренировок с небольшой высоты. Тот выслушал, но сказал, что он давно на море, нырял и прыгнет сверху. И Нестор, и Владимир Владимировичем – все уговаривали его не нырять сразу, пробовали его схватить и держать, но он выюном вывернулся, отбежал в сторону и прыгнул. Сквозь воду было видно, что задел дно, вынырнул с рассеченным лбом и лицом, по которому текла кровь. Владимир Владимировичем зажал рану полотен-

цем, Павел и Нестор, подхватили мальчика под руки, и быстрым шагом повели его в гору, к медпункту. Хирург побранил и пожалел ныряльщика, сказал, что за сезон таких бывает несколько, и отвел раненого за ширму зашивать рану. Доведя мальчика медицине, спасатели, исполнив должное, спустились к морю. И все же в душе осталось чувство вины из-за происшествия с мальчиком, и азарт ныряльщиков прошел. Распластались на бугрившихся камнями подстилках, обмениваясь редкими фразами о случившемся, иногда меняя положение и, выгребая из-под себя причиняющие боль камушки.

Вечерами предлагались на выбор кинофильмы под небом или танцы тоже на открытой площадке. Деревянные скамейки кинотеатра, темное звездное небо над головой, окружение молодых здоровых людей, тепло южного вечера, неумолчный стрекот цикад, аромат цветов в воздухе – тогда все это казалось обычным и повторяющимся, а потому не так ценилось, как потом – на расстоянии и удалении на годы.

Павел, да и остальные, обратили внимание на одну мамочку с дочкой. Мамочка была лет двадцати пяти с подрезанными у линии подбородка махаонового цвета волосами, разделенными посредине на пробор, невысокого роста с ровными крепкими ножками из под цветастого легкого платья, выступающим бюстом и вся немного полнеющая, разговаривала нежным умеренно высоким голосом. Ее милостивая девочка была лет трех-четырёх, которую она непрерывно одари-

вала улыбкой. Если она замечала внимание к ним со стороны, то лицо с улыбкой обращалось и в ту сторону. Она как солнце непрерывно излучала тепло улыбки и добродушия на окружающих. Павел позавидовал в этом ей, и как прагматик, пытался примерить к себе ее улыбку и добродушие, столь приятные и нужные людям, представляя, что многое и легко удавалось бы ему, будь он только чуть похож на нее. Да, у нее был ключ к сердцам. Видел ее Павел и в кинотеатре с девочкой на руках. Видел, как девочка засыпала и тогда мама уносила ее, не досмотрев фильм, и уже не возвращалась.

В одно утро Павел, увидев их после такого вечера, подошел и предложил мамочке рассказать продолжение кинофильма, представившись предварительно. Она назвала себя – Люда, из Москвы, дочка Ира. После знакомства и остальных рижан мы сблизились с Людой и все попали под ее очарование. Ходили вместе в кино, помогали относить Ирочку в корпус, когда она засыпала в кинотеатре. Люда была весела, и охотно поддерживала веселый дух черноморского отдыха.

В один из дней Павел встретил Люду гуляющей одну уже поздним вечером. Сказала, что Ириша уснула, а ей не спится, и она решила прогуляться. Темнота уже скрывала и тротуар и очертания ближайших корпусов. На Западе, на фоне еще не стемневшего неба, проступали изломы очертаний гор. Вокруг надрывались в своем пенье цикады, издалека равномерно накатывался гул ударов волн о бетон пирса. Они шли в направлении известной им скамейки под фонарем, по-

дошли, сели и вели разговор о жизни в Москве и Риге.

Через некоторое время увидели, что в их направлении идет в обнимку парочка, с намерением потеснить их на скамейке. Павел, озорно глянув на Люду, сказал:

—А теперь будем целоваться, иначе они сядут здесь, а так, может быть, пощадят влюбленных.

—Как это целоваться? — Удивилась Люда.

—А вот так, — сказал Павел, приложив свою кисть к губам. Прозвучал звук воистину смачного поцелуя. Потом еще и еще раз. Парочка остановилась, посмотрела на сидевших, прозвучали непонятные слова. Павел склонился к Люде, словно обнимая ее, поглядывая на стоявшую в отдалении в нерешительности парочку. Те повернули и стали удаляться. Люда негромко засмеялась, Павел вторил ей, сказав:

—В другой раз не поверят, придется целоваться нам взаправду.

Люда смущенно отвернулась, сказав ничего не значащее:

— В другой, так в другой.

Павел стал замечать, что Нестор все чаще и чаще оказывается возле Людочки, охотно забавляет ее дочку, не забывая и маму, вовлекая ее в игры. Люда держала себя ровно, как обычно, и вполне благосклонно принимала внимание Нестора. А может быть, была ему и рада, не проявляя внешне признаков. Наблюдения немного смутили Павла, в нем шевельнулось ощущение небольшого дискомфорта. Подумал:

—Что это? Неужели в нем зарождается ревность? Нет,

нет. Неужели возникнет любовный треугольник, и как будут развиваться отношения? Интересно, – но почувствовал себя наблюдателем.

В связи с поползновением Нестора в ее сторону наш рижский треугольник несколько перекосило, и Павлу стал ближе Владимир Владимирович. Он чаще оставался с ним, видя в стороне Нестора с Людой и Ирочкой. Иногда подходил к ним ненадолго, здоровался с мамочкой и девочкой, и, чувствуя себя третьим лишним, вскоре уходил. Правда, по Люде не было заметно, что она уделяет особое внимание Нестору. И тем более, Павел ни разу не замечал, чтобы с его или с ее стороны проявлялись признаки влечения – ни прикосновений рука к руке, ни хотя бы дружеского объятия за плечи, талию.

Красочное объявление известило, что в субботу будут единственные в дни путевки танцы под музыку инструментальной группы из Туапсе. После пляжной цивилизации в плавках и купальниках, после песен из репродуктора у столовой объявление, как освежающий дождь в безумную жару наполняет душу восхищением природой, так и объявление вселило надежду на встречу в этом райском и далеком местечке с искусством, замещенным загаром. Павел начал планировать какую рубашку из двух ему одеть, представляя, какая подойдет больше к его немецкому светлому в клетку летнему костюму. И вот наступил вечер. Солнце по южному скоро скрылось за горами, чуть посвежело. Все трое при-

шли в комнату переодеваться. Павел надел одну рубашку, и стоя еще без брюк, надел пиджак – не очень. Надел вторую и пиджак – да, хороший комплект получился, и пошел к шкафу. Ищет брюки, сдвигая вешалки, но не находит. Осмотрел стулья – не повесил ли до этого брюки на один из них. Нет, и там брюк нет. Появилась мысль – не его ли соседи, видя с каким подъемом, он ожидал вечера танцев, решили поиздеваться над ним и спрятали брюки. Павел тайно оглядел лица друзей, которые тоже переодевались. Нет, на лицах ни ухмылки, ни скрываемой едкой улыбочки. Подумал – хорошо играют, сдерживаются и понадеялся, что на его вопрошающий взгляд кто-нибудь фыркнет, рассмеявшись. Но – нет. Суется, одеваются. Тогда Павел, заявил, словно докладчик с трибуны, громко и ясно:

—Друзья, решили оставить меня дома, убрать конкурента на танцах? Думаете, что без штанов в клеточку я сникну? Ничуть нет, но все же штаны отдайте. –Нестор переглянулся с Владимиром Владимировичем, на лицах выражение недоумения, вопроса, мол, о чем ты, Павел? Владимир Владимирович спросил:

—Павлик, а на балконе смотрел, за полотенцами?

Павел ринулся на балкон с надеждой, недоумеая – зачем ему было вывешивать туда брюки? Но их там не оказалось. После этого вся компания пришла к заключению, что брюки пропали. Павел одел другие, каждодневные, и в расстроенных чувствах пошел на танцплощадку, где под музыку и в

танцах на весь вечер забыл о пропаже. Днем пришел к участковому на территории пансионата и заявил о пропаже брюк.

Через несколько дней, в обычный жаркий полдень, Павел увидел как по верху, над пляжем, идут участковый милиционер с юношей. Юноша иногда наклоняется, что-то ищет в траве откоса, поднимается и передает милиционеру. Перед ужином Павел заметил этого милиционера, сидящим на скамейке, подошел и поинтересовался их прогулкой над пляжем.

Тот рассказал:

– Сiju на этой же скамеечке позавчера, проходит юноша, с которым ты меня видел.

Идет с сумкой, хорошо одет. Подумал, что это вновь приехавший. Еще раз окинул его взглядом и убедился, что одет во все импортное, футболку, джинсы, но странными показались старые стоптанные сандалии. Окликнул его, попросил подойти, спросил из какого корпуса, что в сумке. Открыл ее, а в ней вещи, на которые получил заявления о пропаже. Вчера ходил с ним собирать порванные им с досады бумаги, которые он взял в числе прочего в домике у иностранцев – американские травел чеки. Сам то парнишка девятнадцати лет из Ростова на Дону, имеет приличных родителей – инженеров, а вот тебе – оставил Ростов и приехал на гастроли сюда.

– Спросили его о моих клетчатых брюках?– Спрашивал, но говорит – не брал. Буду беседовать с ним дальше, может быть признается.–До последнего дня пребывания Павел на-

деялся, что брюки вернутся, но так и не дождался.

Нестор познакомился с другой москвичкой Тamarой и на зависть остальным уплыл с нею на теплоходе “Адмирал Нахимов” в круиз по Черному морю с заходом в крупные порты, осмелившись так беспардонно предать дружбу с Людой, оставив ее, возможно, в смятении чувств. Павлу пришлось протянуть руку помощи покинутой мамочке с дочкой. Владимир Владимирович тоже поддержал покинутую и мы вместе помогали ей под солнцем ожидать возвращения предавшего ее Нестора, подшучивая и утешая ее, что он вернется, нужно верить и подольше изпод ладошки поглядывать в сторону моря. Правда, пароходто старый далеко довоенной постройки, попал к нам от немцев по линии репараций. Не ровен час и все может случиться, но надейся, молись.

Павел же решил сразу, что и под покровом вечера он готов помочь пережить Людочке ее одиночество. Один, два вечера прошли, и он понял, что не вправе оставлять ее одну и в более позднее время. Ведь с появлением первой звезды, в это тот час, девушке может взбрести в голову что-нибудь неладное. Например, пойдет в потемках, задумается – Где-то он, как ему? Помнит ли? – И кувырк с откоса.

Однажды, Людочка, усыпив Ирочку, вышла на балкон и стояла, всматриваясь в темнеющее небо, видимо ища еле различимые первые звезды. Тут то и застал ее ищущий взгляд Павла. Он подкрался под балкон и не своим – женским голосом, чтобы она его не узнала, запел:

—Я выхожу одна на балкон, глубокой нежности полна.
Мне море песнь о счастье поет, вздыхает нежно ветерок,
Но мой любимый сегодня не придет...

Не видя ее реакции, он услышал:

– Кто это? Нестор, ты ли вернулся и дурачишься? Сейчас прыгну с балкона, лови, нет, нельзя – у меня есть дочь, спущусь по лиане.

Испуганный Павел выбежал из-под балкона с криком:

– Нет, не надо, не делай этого. Это я, Павел, пошутил.

Люда рассмеялась, перегнулась через перила, и если бы не стемнело, Павел, конечно же, увидел бы ее выкатывающиеся из сарафана прелести.

– Ай, какой озорник, сейчас спущусь.

С бьющимся радостно сердцем Павел пошел к двери. Люда вышла, выбежала. Оба распростерли объятия и, смеясь, обнялись. Павел почувствовал тепло ее упругой груди, и мелькнула мысль, что он все же не третий, не лишний, что он мил ей. А кто уплыл, так с богом, счастливого пути.

Обняв друг друга за талии, смеясь и иногда целуясь, словно влюбленные, они направились к шуму моря. Павел почти летел на незримых крыльях, душа его пела и вот, вот готова была вырваться неаполитанской серенадой и разбудить в кроватях перегретых солнцем граждан из разных концов страны.

Спускаясь к морю, они слышали отдаленный гул морского боя с набережной, а подойдя ближе, услышали и глухое вор-

чанье булыжников в воде, и затихающее шуршанье гальки вслед откатывающейся волне. Днем наш приветливый пляж, плотно покрытый телами, теперь был занят морем. Вернулись к откосу железнодорожного полотна и сели на колючую сухую траву, лицом к морю, подставив лица свету всходящей над морем луны и мелким брызгам, приносимым сильным ветром. Монотонность гула ударов волн, слабый лунный свет, могучие вздохи моря – все заставляло сидеть молча тихо, прижиматься друг к другу, словно ища спасения двух маленьких существ на груди величественной природы. Далеко в море мелькнул огонек. Люда отпрянула от Павла, подавшись всем телом вперед, словно стараясь разглядеть, что за огонь.

– Знаешь, мне показалось, что это корабль, – сказала она. Вот так, наверно, и Нестор плывет сейчас на „Нахимове“, а шторм-то какой сильный. Корабль ведь старый, как бы чего не случилось. В такую непогоду не спастись.

– Что ты, не беспокойся. Такой шторм для большого корабля не опасен. Да Нестор догадлив, и стоит уже, наверно, возле шлюпки, на всякий случай, а не сидит себе беспечно в каюте. А чтобы не простудиться и предстать перед тобой живым, уже и спасательный жилет надел.

– Ладно, Павел, перестань издеваться над Нестором. В такую темень их корабль может столкнуться с другим.

Павел убедился, что мысли Люды устремлены к Нестору, и он продолжил разговор в том же легком духе подшучива-

ния над страхами Люды. Сидеть было жестко, они постепенно сползали со склона, становилось свежо. Тогда встали и, оглянувшись еще не раз на шум моря и мерцающий огонек, пошли к корпусам.

После обеда, когда Павел и Владимир Владимирович лежали на своих кроватях, в комнату вошел Нестор.

—Ну, каким оказался круиз, где побывал, какое впечатление от “Нахимова”? – стали наперебой расспрашивать они.

– Все было шикарно. Заходили в Сочи, Батуми и другие порты. Плыли обычно ночами, утром приставали к причалу. День проводили в городе и на пляже. Видел даже пальмы в Сочи и Батуми. Внутри корабля роскошь – медь, бронза, позолота, люстры, канделябры на стенах, ковровые покрытия всех палуб. Все сияет. По верхней палубе хоть на автомобиле ездил – такая она широкая.

Павел слушал рассказ Нестора, смотрел на него, и ему казалось, что Нестор посматривает в его сторону с каким-то вопросом в глазах. И он, вспоминая вчерашний поздний вечер с Людой, почувствовал себя словно виноватым и уличенным в чем-то. Но ведь это была всего лишь прогулка. Пусть они сидели в обнимку, пусть в нем зрело желание близости, признавался он себе, но это были всего лишь взволнованные отношения. Нестору все же хотелось, наверно, задать вопрос Павлу – Как времечко проходило, как Люда? – Вопроса ни тогда, ни позже он не задал. Дальше все отношения пошли, как и прежде, в дружеском ключе. Вскоре Люду с дочкой все

вместе посадили в поезд на Москву, и грустные вернулись в корпус. Наверно каждый из них вспоминал приятные минуты встреч и общения с этой милой москвичкой, доставлявшей им, несомненно, большую радость. Живших по семейному Нестору и Владимиру, она стала экскурсией в другую семью, а для холостяка Павла – экскурсией в иные, непривычные для него отношения с женщиной с ребенком. Видимо мать в Люде не позволила ему направить отношения в обычное для него русло.

В одну из командировок в Москву Павел позвонил Люде, и встретил ее по окончании служебного дня. На его вопрос— Куда бы нам пойти? – Она предложила дойти до ресторана “Якорь”, что на улице Горького, вблизи от Белорусского вокзала, мол, там большой выбор рыбных блюд и вина хорошие. Зал оказался небольшим, темным и вполне уютным. Сели за стол под золотистой с росписью и кистями скатертью. Люда заказала блюда из рыбы и бутылку вина “Хванчкара”. И салат с кальмарами, и рыба, и гарнир и соусы – все было восхитительно. Но вкуснее из всего, что Павел успел попробовать в своей короткой жизни, даже вкуснее мороженого в детстве, было это вино. Если бы все его вкусовые окончания языка, неба, глотка могли говорить – прозвучал бы хором восхваления этого вина!

Многие деяния Сталина – уничтожение соратников из ближнего окружения, собутыльников, и из дальнего окружения – на подступах к его столу, создание Гулага объясняют

тем, что Сталин хотел крепко держать власть в своих руках, и устранял потенциальных конкурентов. Да, с этим можно согласиться. Но если заглянуть в глубины, какие же тонкие струны его души затрагивались и находили внешнее проявление иногда в его ужасных деяниях и грехах в семье.

Детство Иосифа Джугашвили в горном селенье Гори прошло в скромном достатке. Семья с отцом деспотического характера и покорной матерью жила в маленьком домике. Но праздники как домашние, так и религиозные проходили в дружеских застольях с родными и соседями. Когда Иосиф уже учился в духовной семинарии ему, юноше с пробивающимися усами, отец позволял сидеть за семейным столом и даже причащаться вином. Друг семьи из ремесленников, ковавший подковы и удила, и продававший их с далекими выездами по Грузии, привозил оттуда сладости и вино “Хванчкара”. Так молодой Иосиф вкусил этого напитка. Вино было куда более вкусным в сравнении с теми, что готовили окрестные крестьяне. А детская память крепка, выхватывая из окружения некоторых людей и события, запечатлевая надолго вкусовые впечатления. Позднее, раскраивая Северный Кавказ на республики, родную Грузию Сталин выделил и лелеял до последнего дня, нескольких грузин ввел в высшие партийные и государственные органы власти, приблизил к себе и усаживал за свой стол.

Германия начала войну в 1941 г. – не страшно. Спокойно расстался с Молдавией, Белоруссией и Украиной. Ни вина

Молдавии, ни пшеница Украины, ни картофель Белоруссии, годные лишь для водок, его не интересовали. Но вот немецкие армии сдвинули свой атакующий фронт в сторону Юга, и подошли к Сталинграду.

– Если бы они стремились только к азербайджанской нефти – пусть бы шли. А если прорвут оборону здесь и повернут к Кавказу? – размышлял Верховный главнокомандующий, посасывая самшитовую трубочку. Виноградные лозы Грузии пока под снегом, но приближается весна, и если немцы подойдут к селу Хванчкара, а ведь они не знают этого вина – варвары, загубят лозы на подстилку лошадям, и будущий урожай – коню под хвост. Запасы “Хванчкара” в кремлевских складах заканчиваются. И на моем столе его не будет – нет, не бывать, Сталинград нужно удержать. Командующих Юго-Западного, Донского и Сталинградского фронтов – Ватутина, Рокоссовского, Еременко – ко мне на завтра!

Совещания Генерального штаба, на встречах с командующими фронтами и армиями в период Сталинградской битвы он завершал словами:

– Немцы не должны прорваться на Кавказ! Не пить им “Хванчкара” !

После войны, в застолье, обращаясь к Берии:

– Лаврентий, что будет с урожаем винограда в этом году в районе Рача?

—Обещают хороший урожай, очень хороший, Иосиф Виссарионович.

– Хорошие слова говорит хороший человек Берия, – сказал Сталин, подняв бокал своего любимого вина, ощерив в улыбке усы. – За высокие урожаи в Грузии, товарищ министр сельского хозяйства, – завершил, пригвоздив взглядом к стулу, хотевшего было встать Ивана Бенедиктова.

Что же руководило им, как объяснить его ужасные деяния? Ответ может лежать и на поверхности стола, принявшем батареи бутылок его любимого вина. В периоды приступов боли в желудке, которые не давала наслаждаться любимым “Хванчкара”, он мог решить обречь плененного сына на смерть, застрелить жену или начать гонения на врачей.

Еще одно вино довелось отведать Павлу, и оно лишь на одну звездочку вкуса отстало от „Хванчкара” – то было крымское массандровское вино “Алеатико”. В 2000е годы Павел оказался в Москве и ринулся в магазин “Российские вина”, где в 80е прошлого века купил то “Алеатико”. Увы, такого вина не оказалось, но было “Хванчкара”, которому он несказанно обрадовался, купил и принес к своему научному руководителю – Юрию Николаевичу. Открывал с надеждой, вспоминая встречу с ним в “Ягоре”. Глоток – и полное разочарование. Осталось только название. Но Павел не сдался, а пребывал в надежде вкусить еще раз тот неземной напиток. Перед новым годом уже в рижском магазине увидел бутылку “Хванчкара” ценою в 20 долларов, и решил, что при такой высокой цене должна быть та “Хванчкара”. И снова разочарование, окончательное. Чем дальше от смерти Сталина, тем

безнадежнее попасть на его любимый напиток. Остается надеяться на нового молодого президента Грузии – Михаила Саакашвили и на его хороший вкус, хотя обучение его в университете США могло привить другой.

Вскоре Павел был снова в Москве, и позвонил Люде. Она, неизменно любезная, с улыбкой в голосе, пригласила его к себе в гости домой, выразив сожаление, что не увижу всю ее семью, т.к. муж на съемках какого-то кинофильма. Павел приехал вечером, к ужину. Ужинали втроем, с уже подростковой дочкой. Люда угощала Павла невиданными тогда виски. Показывала квартиру и многие доски с черными иконами, русские языческие изваяния из дерева, идолов, собранные мужем на просторах России. Рассказывала о посещении ресторана в Абрамцево, где в пламене свечей из куража жгли сотенные. Уложила Павла спать в большой супружеской кровати, а сама легла с дочкой. Через какое-то время Павел снова был в Москве и позвонил Люде на службу. Разговаривали долго, много смеялись и Люда, смеясь, рассказала о реакции мужа, когда он узнал, что она принимала гостя:

—Я, конечно, могу показаться бабником и даже хуже, потому что хватаю девчонок на улице, тащу в ресторан, заговариваю им зубы, но все это я делаю для работы, чтобы найти натуру, подходящую для съемок. Ты это знаешь. Но такого, чтобы домой приглашать, со мной такого не бывало, а ты... мужика.

—Ты же Павел лучше всех знаешь, что совесть моя чиста.

—Конечно, Люда, пригласи еще раз и я ему подтвержу.

Случая в дальнейшем, правда, не представилось. Наблюдал ее мужа по работам в нескольких кинофильмах, но так и не встретились.

Возникшая граница между Россией и Латвией и течение времени размыли воспоминания и растворили в бескрайнем море жизни и Люду, и Нестора, и Павла. И когда остались только воспоминания о них, он лицом к лицу столкнулся с Нестором на улице. Нестор улыбался, и, как и Павел рад был встрече. Обычные взаимные опросы давно не видевшихся людей, касавшиеся, работы, семьи было коротким, и каждый рассказал о наиболее существенных событиях, случившихся с ним в жизни.

Нестор снова побывал в круизе по Черному морю на том же пароходе “Адмирал Нахимов” в конце августа 1986 года, который закончился на этот раз трагически. Началом круиза была Одесса, в продолжении – Ялта, потом пришли в Новороссийск, из которого должны были плыть в Сочи и Батуми. Пароход был заполнен чуть ли ни полутора тысячами пассажиров. Вторую половину дня гулял по Новороссийску, а в десять вечера должны были отойти. Прощаясь с огнями Новороссийска, многие стояли на палубах, и я в том числе, другие, в особенности, имевшие детей и люди пожилые, сошли в каюты. Раздались прощальные гудки, унесенные еле-еле чувствовавшимся легким дуновением теплого ветерка ввысь, в морскую даль и к порту. Замелькали многие машущие ру-

ки с борта в ответ на редкие вялые помахивания рук гуляющих по набережной. Отход большого парохода не был редкостью и на это обращали немного внимания, разве что на мощные басистые три гудка, звавшие куда-то в душе, наверно, каждого. Отходили медленно, поворачивая носом на два огня впереди, звавшие в открытое море. Нестор рассказал, что не стал спускаться в каюту уж очень приятен был этот южный вечер, уменьшались огоньки Новороссийска, чернели вдали холмы окружавшие бухту, в небе появились первые звезды. Он стал всматриваться в них, подумав – не увидит ли он августовский звездопад. Но – нет, ни одна звезда не упала ему на счастье. Тогда прошел по верхней прогулочной палубе в нос, и увидел вдали огни идущего навстречу парохода. Он шел, пересекая их курс. Нестор долго стоял и наблюдал, что оба парохода сближаются, и видимо вот-вот начнут маневр, чтобы разойтись. Но сближение продолжалось, и Нестор, решив, что столкновение неизбежно, в испуге побежал с носа на левый борт, с желанием спрятаться от надвигающегося судна, добежать до каюты и успеть взять документы, деньги и найти спасательный жилет. Но не успел, как палуба под ногами содрогнулась от удара, и стала наклоняться в сторону правого борта, к сухогрузу, врезавшемуся в “Адмирал Нахимов”. Свет на всем пароходе погас, через некоторое время появился, но снова выключился. Крен увеличился, пришлось ухватиться за поручень, чтобы не скатиться по палубе на стену кают. Нестор перебрал мгновенно вари-

анты спасения – найти шлюпку, найти спасательный круг, но темень, ничего не видно. Слышны крики людей из кают снизу, видны руки из иллюминаторов и отдельные лица, искаженные ужасом. И тогда он решает спастись вплавь. Перекидывается через поручень, вытягивается на руках и, скользя по борту, летит вниз, и перевернувшись непонятным образом несколько раз, оказывается в воде. Выныривает, сбрасывает туфли и брюки, и плывет от корабля, ища хоть какой-нибудь плавающий предмет, чтобы ухватиться за него и держаться на поверхности. Рядом плавают, барахтаются в воде люди, покрытой почему-то мазутом и краской, тонут, воздевая руки с криком “помогите”. Наконец, увидел надувной плот с людьми, подплыл к нему и его втащили. Протер глаза от маслянистой воды. На веслах отгребали от уходящего под большим креном под воду парохода, боясь водяной затягивающей воронки. И вот он скрылся весь под водой. Вскоре подошли два буксира, которые сопровождали наш пароход, и люди с плота поднялись по лестнице на его борт. Мои светлые волосы были перекрашены красками разного цвета и в мазуте.

Павел участливо слушал рассказ об ужасах, пережитых Нестором, участливо поддакивал или делал большие удивленные глаза. Когда же он закончил, Павел спросил:

—Когда плыл на пароходе, наверно, вспоминал свое путешествие с Тамарой?

—Конечно, вспоминал, – ответил Нестор.

—А когда плавал в мазуте, ища спасительную хотя бы досечку, о чем думал?

—Мысль была одна – не утонуть. Бормотал про себя: Господи, спаси, спаси и помилуй.

Пирамидальные кипарисы

Поезд с довольным инвестором Павлом, весь в мыслях о выгодной комбинации, в которую он вошел, спешит по горячей степи Украины в сторону Кавказа и Черного моря. За окном степь с посеревшей травой, вдали оазисы деревень и сел с пирамидальными тополями, которые нетерпенье Павла превращает их в пирамидальные кипарисы черноморского побережья.

Случай свел его с давним знакомым по работе на одном заводе – Артуром. Он появился на заводе в морозную зиму и удивлял своей одеждой всех встречных, одетых по погоде, даже в шапках с опущенными ушами. Артур же ходил в плаще без шарфа, с открытой грудью и без головного убора. На охи и ахи встречных:

—В такой мороз, а ты в плаще! – Артур смеялся.

—Разве это зима! Не знаете вы сибирской, вот там зима!

Родители с семилетним Артуром были высланные из Латвии в 1945 г., провели многие годы в Сибири, потом прощены и вернулись. Но в памяти мальчика и юноши остались сибирские зимы и уважение к тем морозам. Вернувшись из ссылки, он бравировал в плаще, словно морозы той же силы, что и сибирские, в родной Латвии его только ласкали.

Артур загорался восторгом, описывая пребывание с сыном в уютом пансионате на Кавказе, в “Шепси”, что

вблизи от Туапсе.

Как прекрасно когда ты погруженный в плотный, теплый и ароматный воздух, вечером на балконе наблюдаешь восход луны. Вот показался кусочек сегмента, надрезанный зубцом горы, а вот она вся полная и ясная вознеслась над ломаной линией горных вершин. Все ярче проступают звезды. А в ушах звон цикад. Мы с сыном смотрим на луну, мы вместе плывем в ее свете. Мы как никогда близки друг другу, мы родные.

Рассказ Артура вызвал теплые воспоминания о том уже далеком времени, в начале инженерной жизни, когда Павел с двумя коллегами по заводу счастливо провел две недели в трех километрах от Туапсе, в пансионате “Весна”, за несколько перегонов до “Шепси”.

Сложив свое прежнее впечатление и свежее Артура, Павел немедленно позвонил в пансионат и заказал место в “Шепси” .

Поезд делает остановки на небольших степных станциях Юга Украины. Земляные перроны вдоль всего поезда оживлены торговым людом с ведрами яблок, груш, банками с солеными огурцами в рассоле с укропом, стеблями чеснока и листьями смородины, корзинками с хлебом и жареными курами, кульками из газеты с черешней и семечками подсолнухов. На полотенцах в поднятых к окнам поезда руках, как на подносах, белеют крутые отварные яйца. В расписанных цветами металлических банках предлагают популярный красно-

дарский чай „Бодрость”. Знаю, что это самый хороший российский чай. Купил литровую жестянку. Товары подняты на вытянутых руках и чуть ли не вваливаются в открытые окна, из которых выглядывают очумевшие от изобилия предложений пассажиры. Идет бойкая торговля, но поезд трогается, молодухи и старые женщины сначала идут, потом бегут за вагонами в надежде все же продать, торговля продолжается, но они отстают и останавливаются, ставят товары на землю, садятся на рельс, вытирая лица платками, и ждут следующего поезда.

Павел ест груши, смотрит рассеянно в окно, а сам далеко отсюда. Вспоминает встречу с Сергеем, который рассказал о прекрасной возможности заработать, если отдать деньги в одну фирму под процент, а та готова раз в месяц выплачивать на него. Павла заинтересовал рассказ Сергея, и, не откладывая надолго, на следующий же день, они отправились в эту сказочную компанию. У Павла было несколько сотен долларов, полученных недавно за одну разработку для фирмы США.

Интересная компания находилась вдалеке от центра, в промышленном районе города, в доме, большой двор которого занимали грузовики, автокраны, штабеля белого кирпича, кучи отслуживших покрышек. О популярности компании и ее бизнеса свидетельствовала длинная живая очередь и гул толпы. Извивы очереди уходили с улицы в дверь на первом этаже, тянулись по маршам бетонных лестниц на

третий к двери, за которой по одному исчезали люди. Когда через два с половиной часа ожидания терпенье подходило к концу, Павел предстал перед заветной дверью. Приняла его милостивая девушка, дала проспект, вписала в договор его паспортные данные и вносимую сумму, взяла положенные Павлом на стол доллары и положила их в выдвижной ящик тумбы стола. Потом, уже не глядя на Павла, словно его уже и нет, крикнула в сторону двери:

—Следующий!

Следующий инвестор, подталкиваемый очередью, влетел в комнату, задев Павла, и счастливый плюхнулся на освободившийся стул. После часового стояния, понятно, присесть было в радость.

Проспект компании “SELVA” захватывал дух, будоражил воображение каждого входившего инвестора. Радуги процветания восходили из областей животноводства, кормопроизводства, автомобилестроения и других направлений и замыкались в головах инвесторов, вызывая неотвратимое короткое замыкание, отключая размышления. И Павел поплыл в мечтах к блеснувшей удаче. Большая очередь вкладчиков еще больше убедила его в правильности намерения – разве народ может ошибаться? Народ всегда прав. В последующем правоту его решения внести подтвердили и выплаты точно в срок на проценты один раз в месяц. Удивляло только название компании “SELVA” – при чем здесь топи Бразилии? Почему бы не болота Латвии?

Загадочным казался директор компании. Что за человек, как могла придти к нему эта блестящая идея, захватившая наверно тысячи людей, приносящая доход из разных сфер вложений. Животноводство в проспекте было подробно описано и оказалось выращиванием свиней и коров, забоем их и продажей мяса в Россию. Кормопроизводством было названо силосование трав и кукурузы для кормления скота. Автомобилестроение было отдаленной перспективой создания новой модели автомобиля и вездехода, в которых очень нуждались северные районы России, прилежащие к морям Ледовитого океана, и некоторые далекие страны зарубежья – бразильская сельва. Более подробного разъяснения о этих странах не давалось. Сила и привлекательности направления были в загадочности, и только убеждала – вложить и никаких гвоздей! Было в этом предприятии что-то от Остапа Бендера и Рио-де-Жанейро, в котором все ходят в белых штанах. Хотелось и Рио и белых штанов, и прикидки прибыли на проценты позволяли надеяться хотя бы на одно из двух. Увидеть директора ни разу за несколько выплат не удавалось. Павел, получая проценты, поглядывал на дверь за кассиром, в которую иногда входили люди. Она приоткрывалась, слышались голоса, но ни разу никто из вышедших не подал признаков, которые обнаружили бы в нем директора. В договоре Павел видел фамилию директора и его подпись. Фамилия Серов, подпись простая, без выкрутасов. А какой бизнес затеял, всю Ригу в очередь к себе поставил.

Павел приходил за процентами раз в месяц и получал их в тех же долларах. Всякий раз это было приятным событием, согревало душу и отмечалось с кем-нибудь из знакомых или со своей девушкой небольшой выпивкой.

Основной работой Павла был маркетинг. Американская компания за оплату присылала Павлу запросы компаний из разных стран мира на поставку различной продукции. Некие компании хотели купить кондоминиум или ресторан, или землю, или недвижимость в США или в Западной Европе, или порошковое молоко, или каучук, нефть, бензин, самолет, аэродинамическую трубу, завод по производству пластика и т.д. Павел искал потенциальных продавцов по литературным источникам, направлял им запросы, указывая комиссионный процент от сделки. Появился, к примеру, запрос на поставку партии вертолетов в Сингапур. Исследуя источники, Павел обнаружил, что их изготавливает компания “Мессершмит – Бельков Блов” и направил запрос в Западную Германию. В один из дней прозвенел звонок, Павел поднял трубку, звучала английская речь:

—Вы компания “INT”?

—Да.

—Мы получили ваш запрос на вертолеты. Мы их изготавливаем, но в настоящее время поставку может осуществить наш филиппинский агент. У вас не будет возражений?

—Нет, конечно, нет.

—Простите, ваш адрес Рига?

—Да, верно.

—Не владеете ли вы латышским?

—Владею.

—Я хотел бы поговорить на нем. Я жил в Риге, 25 лет тому назад родители эмигрировал в Германию и после этого ни разу там не был. Расскажите, как выглядит Рига, как в ней протекает жизнь?

Павел описал в общем жизнь в Риге, ответил на вопросы о театрах, празднике песни.

Услышал слова искренней благодарности собеседника за возможность поговорить на родном языке.

Маркетинговая работа, к сожалению, была неудачной. За все долгое время ни разу не был заключен контракт, и Павел не получил заложенных в договор трех процентов комиссии. Появилось предположение, что американская сторона, к которой должен был обратиться поставщик, могла схитрить. Хотя, вера в деловую честность Запада была железобетонной. Пошатнулась она на другом посреднике после срыва контракта на поставку парохода с карбамидом в Китай. Правда посредином был русский, бывший торгпред в Бельгии.

В разговоре с сотрудником компании “SELVA” Павел узнал, что компания работает над проектом вездехода на воздушной подушке для поставки его в Бразилию. Вот откуда такое показавшееся странным название компании, стало ясно Павлу. Маркетинговый опыт и информация сотрудника

подтолкнули Павла предложить свои услуги директору компании. И вот он у него в кабинете. Серов сидел за большим двух тумбовым столом. Встал при входе Павла, кивнул ему – „здравствуйте”.

—Что вас привело ко мне?

—Я слышал, что вы готовите проект вездехода для Бразилии. Я инженер-механик, к тому же занимаюсь маркетингом, и, возможно, вы будете искать комплектующие на Западе. Я мог бы вам помочь.

—Да, действительно, у меня возникла проблема – нужно найти двигатель для привода главного вентилятора. Им может быть хороший автомобильный. Брать наши, что идут на “Жигули” или “Волги” – нельзя. Не хватит мощности. Нужно искать зарубежный.

—Я мог бы найти и предложить вам на выбор несколько видов двигателей различных компаний – немецких, американских.

—Хорошо, это меня интересует. Сколько бы вы хотели получить за эту работу?

—Долларов шестьсот.

—Хорошо, вот вам половина в качестве аванса.

Серов залезает во внутренний карман, достает толстую пачку долларов, отсчитывает три купюры и подает Павлу.

—Как скоро вы сделаете?

—Найду компании быстро, напишу запросы, а как скоро они ответят – не знаю. Думаю, что уйдет две недели.

Серов вышел из-за стола, протянул и слабо пожал руку Павла. Оказался почти на голову ниже его, щуплого телосложения. Ни лицо, ни подбородок, ни взгляд не носили признаков волевого типажа.

В течение двух недель Павел получил письма с предложения по двигателям от компаний, передал их Серову, и получил оставшуюся часть оплаты.

Колеса продолжают стучать на стыках, вагон раскачивается, пустой стакан в подстаканнике ползает по столику, звеня ложечкой. Вдали показались привычные серые тучи неужели к непогоде? Странно, Павел стал вглядываться – не горы ли? Похоже на то и на другое. Спросить бы у кого, но он в купе один. Глянул вскоре снова – горы! В купе жарко, дорога вышла к морю, оно справа и бесконечно уходит вдаль и вдоль, и остается за поездом. Появились пляжи с лежаками и людьми на них и в море. С высоты полотна дороги и поезда они и на берегу, и в море представляют собой беззвучные сценки с движением или неподвижные, звуки снизу не долетают в опущенное окно. Некоторые провожают поезд, повернувшись в его сторону, глядя из-под руки, поворачивая лица как цветы головки за солнцем. Пассажиру поезда они кажутся блаженствующими, а он томимым духотой купе. Они уже окунулись в мечту быть у моря, и вкушают всяческие ее блага. Скоро, скоро и он будет там, внизу, под откосом. И также с сожалением будет провожать головы прибывающих к морю, или наоборот, глядя на обратный поезд, мечтать – ско-

ро ли кончится эта жаровня? Когда же, наконец, он поедет к милому холоду дома? Море спокойно, лениво накатывает на берег невысокая волна, словно делает тихий вдох и откатывается выдохнуть в глубине. Солнце уже высоко и жарко светит слева в окна вагона. Вот и первая морская станция город Туапсе, и поезд идет дальше по полке откоса, прижатый слева горами, нависая над пляжами с людскими плотными лежбищами, и прибывает на станцию назначения Шепси. Крутыми лестницами, асфальтовыми дорожками и каменными тропинками Павел поднимается к корпусу администрации, оплачивает путевку, получает ключ от комнаты на троих и идет в корпус.

Каждое утро перед завтраком и вовремя его весь пансионат покрывает песня „А на дворе расцвела ароматная груша...“. Мелодия и слова песни летние, южные, курортные, настраивают на хороший день. Встав, Павел по давней домашней привычке идет на утреннюю зарядку. Спускаясь к морю по извилистой тропинке, с удовольствием оглядывает свежую листву кустов, слушает пенье птиц, вглядывается сквозь листву в сторону моря – вот-вот должно появиться. Проходя холодным тоннелем под железной дорогой, пригибается под низким гулом проходящего поверху поезда и выходит на гальку пляжа. Здесь он глубоко дышит, машет руками-ногами, приседает, бегают, и наконец, стремглав бежит, все выше и выше поднимая колени, бороздя воду, и наконец, падает в нее обессиленный. Как приятно первое погружение

в море!

После завтрака пансионеры стадом тянутся к морю. Те, кто не купался утром, спешат, спешат – дни у моря в цене. Павел остается на солнце пока оно не накалило всю гальку, потом прячется от него в тени валуна или под крышей навеса, и снова купанье за купаньем. После долгожданного обеда короткий сон в жаркой комнате. Но не спится и Павел, взяв тетрадь и ручку, выходит во двор. Сонно, еле волоча ноги, входит в легкую тень деревьев и садится на скамью. Окунулся в блаженную прохладу и под ленивые звуки цикад коротает жаркое послеобеденное время, дожидается спада жары.

Было намерение написать письмо маме, но отложил впечатления – как-то не просятся на бумагу, начал, но не пишется. Потому занялся расчетами процентных выплат до конца года и далее, которые ожидают его по возвращении. Ведет расчеты, останавливается, дойдя до очень впечатляющих сумм, и погружается в мечты. Неужели вот так, просто, вложив небольшую сумму, можно поправить свое скромное финансовое положение. Но, видимо, компания имеет бизнес-план, произвела расчеты, заключила договоры с покупателями продукции. Читал о инвестиционных венчурных компаниях и проектах, когда прибыль бывала очень высокой. Наверно и “Selva” – из подобных. Единственно, что смущала – это блеклая личность директора. Но Павел отметал это сомнения, найдя защитный аргумент – за его спиной стоят настоящие мужчины, могучие, головастые. Этим он себя

успокаивал и продолжил рассчитывать до суммы, достаточной для приобретения автомобиля “Жигули” седьмой модели. Получалось, что и года не пройдет, если получаемые проценты снова вкладывать. Отложил расчеты и в полудреме, внимая пенью цикад и вдыхая запахи горного лесочка, дотянул до четырех часов, спустился по заброшенному саду и разбитым ступенькам к морю. Место не посещаемое, основные залежи людей в отдалении, там же на столбах терраса под навесом. Сведения об опасности солнечных лучей для здоровья людей и последствиях длительного загорания достигли и Павла. Поэтому на диком открытом берегу пробыл недолго, искупался и как краб забрался в прохладу большого камня с углублением. К шести часам беспощадная жара спала, и Павел пришел на общий пляж.

Несколько дней до этого видел пару – симпатичную высокую девушку и парня, внешний облик и манеры и золотое оцепление шеи которого выдавали его простое происхождение и позволяли думать о неблагоприятной деятельности – то ли бандит, то ли вор. Девушка была под стать, выглядела довольно просто и покорно. Приехали и находились они всегда вместе. Но через короткое время цепи стали видны возле другой девушки и днем и вечером. Покинутая же невозможно пребывала одна. Это удивило Павла, и он предположил, что бедная девушка была содержанкой. Вывод огорчил его, не смотря на то, что подтверждения тому не было. На душе всегда становилось нехорошо, когда он видел ее или

новую пару.

Вечерами играл в волейбол, а с темнотой направлялся к морю. Легкая днем дорожка становилась незнакомой, из кустарника и деревьев звучали ночные трели неизвестных птиц или древесных лягушек. Опускаясь к морю, слышал все отчетливее и отчетливее сначала гул, потом он усиливался, а на берегу добавлялся шум перекачиваемой волнами гальки. Море пахло. Воды вздымались и опускались, приближаясь к берегу, распластывались. Тонкий клинышек воды с пеной по всему бесконечному берегу с его гальками и песками засасывался морем, как поцелуем, и исчезал. Оставалось темное пятно. Море и воды кончались берегом. Все море и берег освещала луна, а с навеса по прибрежным водам шарил луч пограничного прожектора.

В один из последних вечеров одинокий и грустный Павел спускался к морю. В душе печалился, что в пансионате не оказалось притягательной девушки, к которой захотел бы подойти, которой хотел бы сказать и обязательно нашел бы приятные фразы. Но ни одна не тронула взгляда, а тут уж не до звучания душевных струн.

За одним из поворотов, на небольшой каменистой площадке, под уходящей вверх стеной горы, горит костер, сидят и разговаривают две девушки и парень. Проходя рядом, Павел услышал от одной из них:

— Неужели к морю в такую тьму идете?

— Да, к морю, а куда же еще тут деться? Ни кафе, ни тан-

цев, все далеко за горами.

—Если бы и захотели, сегодня и за горами, у соседей, не танцевальный вечер. Присоединяйтесь к нам.

Свет костра позволил разглядеть бутылку вина. Павел смущенно произнес:

—Спасибо за приглашение, но у меня ничего при себе нет для компании.

—Ничего, всем хватит, ободрила его та же девушка.

Павел присел на корточки, молодой человек протянул ему стакан вина. Павел сказал тост за милых девушек, разглядеть которых из-за темноты было невозможно. Но какое значение это имело. Его спасли от одиночества, приютили неприкаянного. Спасибо им за это, какими бы они ни были. Все трое оказались из Ленинграда, остановившую меня девушку звали Валя. Вино уже кончилось, свежело, было поздно, решили пойти купаться. Павел с Валею пошли к воде. В свете прожектора и луны Павел увидел простое русское лицо Вали и приятные округлости там, где им следовало быть. Проплыли немного, повернули назад и навстречу друг другу, встали на дно и приблизились. Не обнять Валию было нельзя, и не поцеловать тоже. Так и случилось. Стыдно только было глазастого и близкого луча прожектора, далекая луна казалась союзницей. Павла охватил озноб, он начал дрожать, чуть ли не стучать зубами от нахлынувшего холода и еще чего-то. Объятия Вали согрели и успокоили его. О ее друзьях на берегу они забыли.

Дорога в сторону дома радовала Павла, и когда он сел в купе, и когда смотрел на море во тьме и огни на станциях, он мысленно радостно обращался к морю “прощай Черное”. Через сорок часов он будет дома! От радостного состояния его отвлек звук храпа соседа на нижней скамейке купе. Тот спал на спине, но рассмотреть лица было нельзя – в купе было темно. Павел устроился напротив, и как прежде, в счастливом состоянии в надежде уснуть. Сон не шел толи от радости, толи от перестука колес. Сосед мерно похрапывал. Павел завидовал ему, как и всем кто умеет спать в поезде или в автобусе. Дорога тогда кажется короткой. Но сон не шел. Тогда Павел взвалил причину бессонницы на соседа.

—Это его храп не позволяет уснуть. Как быть?

Протянул руку и толкнул соседа. Действие возымело результат – храп прекратился. Павел лежит, чувствуя, что сон вот-вот придет к нему. Храп возобновился. Снова ткнул рукой, но чуть сильнее – есть результат. Через короткое время – снова звуки. Тогда Павел, отбросив интеллигентную мягкость, со злобой пнул соседа ногой. И так, при пинках и толчках Павла, поезд продвигался на Север. Измученный работой руки и ноги, Павел наверно уснул. Проснулся уже ярким утром, сосед сидел на своем месте. Павел, не подавая вида о избиении его ночью руками и ногами, натужно произнес:

—Доброе утро, как спали?!. –Сосед приветливо посмотрел на Павла, улыбнулся:

—Знаете, очень хорошо, даже удивляюсь. Наверно наму-

чился в Туапсе.

— Да, намучался, а меня как измучил, — усмехнулся про себя Павел. — Благодать на чужих костях, так сказать.

За завтраком завязался разговор. Сосед оказался инженером-строителем, лет сорока пяти, с полной фигурой, упитанный. Его компания занимается укреплением ползучих грунтов под строениями. Бурят наклонные штольни под ними и наполняют их расплавленным пластиком или стеклом. В Краснодаре ему предстояло выходить. Прощаясь, Павел жал ему руку искренне, как милейшему соседу, упрекая себя:

— Как я мог пинать ногой такого приличного инженера.

Приближался день выплаты процентов. В газетах появилось сообщение о покушении на Серова. В квартиру ворвались грабители, проникли в спальню и расстреляли его с его юной девушкой. Серов был легко ранен, девушка убита. В дни выплаты процентов на двери компании появилось объявление о переносе даты выплат на две недели. Инвесторы были встревожены, толпились во дворе, новые шли в здание, читали объявление, возвращались и присоединялись к толпе. Обсуждали нападение, раздавались голоса с мнением, что, мол, пропали наши вложения. Другие опровергали, цитируя выдержки из проспекта компании. Уверяли, что нападение на директора на бизнесе не отразится. Как работали, так и работают, директор поправится и все пойдет своим заведенным порядком.

Прошли две тревожные недели, в которые Павел много

раз задумывался:

—Что будет, если Серов не поправится, не прекратит ли компания работу?

Но отбрасывал эти мысли, поскольку они тревожили его и портили настроение. Другого источника дохода у него не было, и он с тревогой ожидал назначенного дня выплат.

И настал тревожный день. В наполненном людьми трамвае люди ехали не молча, как это обычно бывает в городском транспорте, когда беседу ведут одна, другая пара на весь вагон, а вагон был наполнен гулом голосов. Слышались обрывки фраз со знакомыми словами “сдал”, “отдала”, “вложил, получил проценты”, “директор”, “проспект”, “Сельва”, “застрелили девушку”, “ранен директор”. Павел понимал, что едут такие же удалыцы, как и он, встревоженные сообщением о нападении на квартиру директора и судьбой отданных ему денег.

Из трамвая ручеек людей струился через дорогу и втекал в железную калитку бетонной ограды. Навстречу попадались мужчины и женщины, улыбчивые лица и глаза которых говорили о таком нужном для потока, в котором шел Павел. В комнате кассир отсчитала ему ровно столько, сколько было положено и выплачивалось всегда. Открылась дверь, вышел Серов и проследовал в другую комнату. Павел внимательно посмотрел на Серова, оценил его походку, фигуру, и не увидел никаких признаков отклонений в состоянии. Только промелькнувшее лицо показалось унылым, даже несколько сму-

ценным, когда он посмотрел на Павла. Должен был узнать, ведь он видел его два раза, разговаривал с ним, дважды рассчитывался. Но ничем не выдал и почти проشمыгнул мимо.

Следующий раз выплат оказался роковым – инвесторов встречала закрытая дверь без всякого объявления с объяснения причины. Люди собирались, толпа увеличивалась, слышались возбужденные и возмущенные голоса. Выделялись спокойствием трое мужчин, разговор которых услышал Павел. Высокий и мрачный мужчина говорил маленькому улыбающемуся:

—Ну, что Сеня, не повезло нам? Похоже, что контора издохла.

На что Сеня:

—И да, и нет. Не нашли, но и не потеряли. Придем завтра, может прояснится.

Павел нерешительно вышел из толпы и уныло пошел к остановке трамвая. Созвонился с Сергеем, втянувшим его в это дело. Тот побывал у той же двери раньше Павла, вернулся и переживал удар дома. Сергей сдал куда большую сумму, чем Павел и утверждал, что уверен – все еще наладится. Мало ли, по какой причине дверь закрыта. Может быть, у Серова открылась рана, может быть, улетел в Бразилию на переговоры по проекту болотного вездехода.

Подождем и будем надеяться, что все восстановится. Ведь убийство твоей девушки тоже выбило бы и тебя из нормального состояния. А там он лежал раненый рядом с нею.

Проходили дни, недели, месяц за месяцем, но заветная дверь всегда оставалась закрытой.

В газетах периодически появлялись разоблачительные статьи об афере, в которую “SELVA” втянула тысячи вкладчиков, о надувательстве бизнес проектов в проспекте, исчезновении директора. Никаких свиноферм, а одно свинство жуликов. Примерно через год появилась статья о том, что Серов был замечен в Германии, в Берлине. Снимает комнату и живет с другом. Позднее была заметка о том, что Серова нашли повешенным в какой-то гостинице Германии.

Инвестор Павел потерял вложенный капитал, но не удосужился сосчитать понес ли он потери с учетом полученных выплат на проценты и оплаты маркетинга за автомобильные моторы, остался при своих или в выигрыше. Будучи оптимистом, верит, что не погребен под этой пирамидой и жизнь продолжается. Жалеет, что у Черного моря не разглядел в пирамидальных кипарисах пирамиду, не выдернул из-под нее свои скромные накопления, а погреб в ней их навсегда. Но, может быть, криминалисты, как археологи в пирамидах Египта, отроют мой капитал.

Утешал себя, что приобрел опыт, и теперь так просто, голыми руками его не возьмешь. В городе в воздухе веяло духом наживы, и он со всеми дышал этим воздухом. Можно было услышать рассказы, как кто-то вложил и очень удачно. Особо удачливыми были вложения в банк „Балтия” – высок был его процент и исправны выплаты. Кто-то, мол, даже про-

дал дом за очень большие деньги, теснился я в одной комнате у родственников, вложил деньги в банк, а потом получил столько, что вернул вложения и купил другой дом.

“Колбасная пирамида”

Выкарабкавшись обобраным из-под рухнувшей пирамиды, объявился и звонит Сергей:

—Павел, нашел новую компанию – принимает и выплачивает хороший процент. Как ты на это смотришь?

—Как смотреть? Как смотрит погорелец на головешки дома, а мы на наш капитал, что сгорел той пирамиде.

—Понимаешь, Павел, тогда, может быть, мы были в хвосте цепочки, а эта начала работать только-только. Кроме того, она предлагает заключить договор страхования вклада, и сама будет оплачивать месячные страховые премии. Если что и случится, то страховая компания должна возместить – не так ли?

—Хорошо, уговорил. Зайдем и посмотрим на людей.

Почти под мостом, на отшибе, еле нашли невзрачный одноэтажный домик. На высоком первом этаже нашли комнату с секретаршей, которая принимала таких как мы посетителей. Павел подписал договор, и раз в месяц стал заходить за выплатами по процентам. Через несколько месяцев, как и в пирамиде “SELVA”, он решил предложить свои услуги директору в разработке бизнес-плана или в маркетинге. Подумал, что, а вдруг компания не только строит пирамиду, но вкладывает собираемые деньги в дело, которое приносит

ей доход, позволяющий выплачивать вкладчикам столь высокий процент. Позвонил директору и услышал характерную южную речь. Сасун Зограбян заинтересовался предложением и назначил встречу.

В назначенное время Павел пришел, и секретарша отвела его в подвальный этаж, в приемную директора, предложив подождать его, а сама ушла.

Комната походила на склад бытовой техники, вин, коньяков и кофе. Стояли невиданные еще, не продававшиеся в магазинах телевизоры, магнитофоны, кофеварочный автомат – все у одной стены, разнообразные импортные спиртные напитки и кофе на лакированных стеллажах – у другой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.